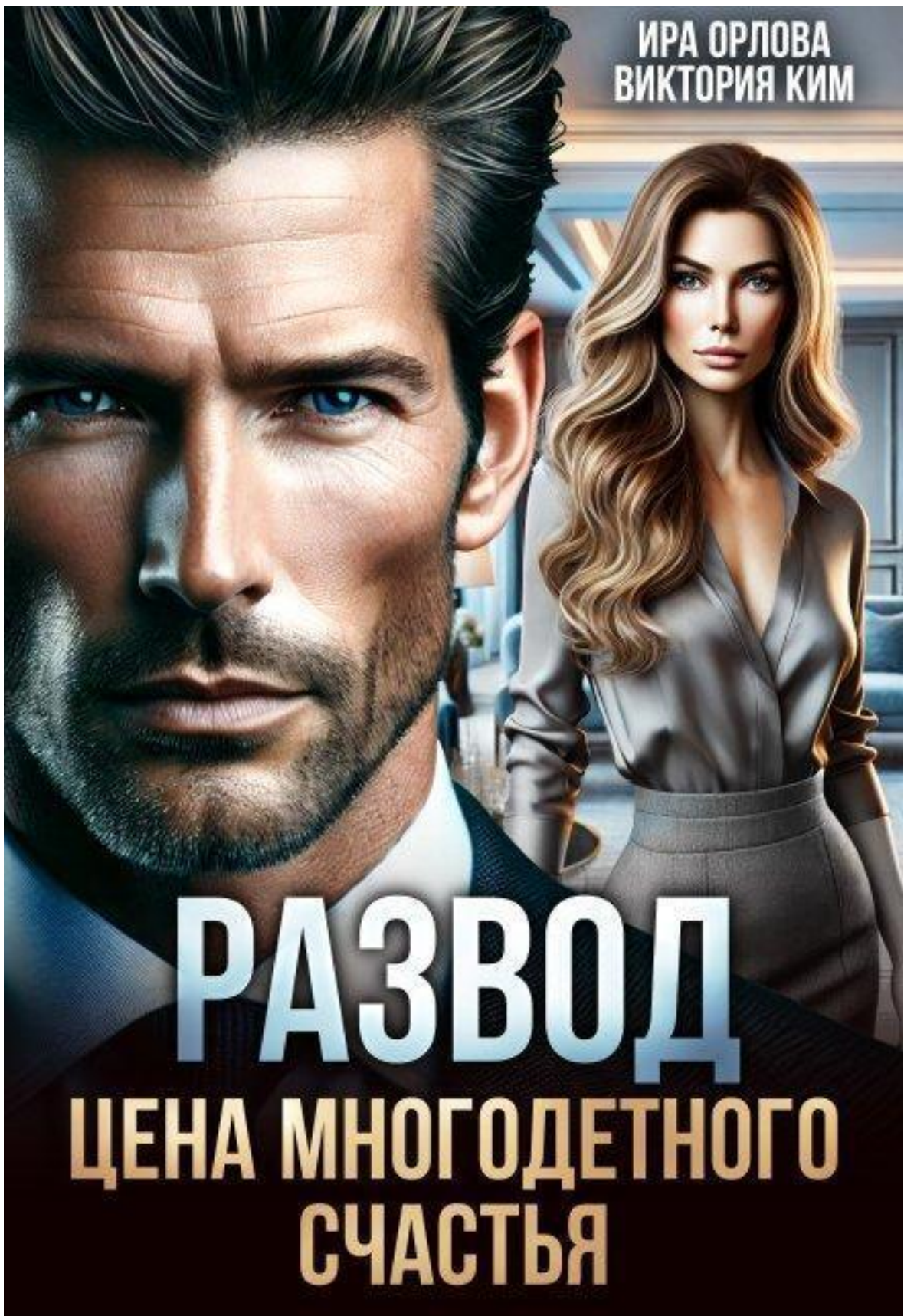

ИРА ОРЛОВА
ВИКТОРИЯ КИМ

РАЗВОД

ЦЕНА МНОГОДЕТНОГО
СЧАСТЬЯ

Ира Орлова

**Развод. Цена
многодетного счастья**

«Литнет»

2025

Орлова И.

Развод. Цена многодетного счастья / И. Орлова — «Литнет», 2025

– Ты просто устала, Мира. Тебе надо отдохнуть. Как и мне. Я тоже очень сильно устал от тебя. От вас, – говорит Сергей, глядя мимо меня. – Устал? – я сжимаю кулаки так, что ногти впиваются в ладони. – Мне отдохнуть? Ты ведь даже понятия не имеешь каково это — каждый день бороться за слово, за взгляд, за улыбку своей дочери? Нести на своих плечах все. Дом, быт, троих детей... – Ну а зачем ты их родила? – его слова звучат холодно. А я теряю дар речи. В тот день в парке я узнала, что такое настоящая боль. Я увидела мужа с другой женщиной, с чужим — или, может быть, своим — ребёнком. Улыбка, которую он когда-то дарил мне, теперь принадлежала им. Теперь я знаю, что такое развод. Это не просто подписи на бумагах. Это трещина, разлом, пропасть, которая разрастается, пожирая всё. Это борьба — за себя, за своих детей, за право быть сильной, даже когда тебе кажется, что сил больше нет. Это история матери, которая изо дня в день живёт для своих детей, скрывая собственные слёзы. История женщины, которая прошла через предательство, одиночество, разочарование и, несмотря на всё это, нашла силы подняться.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	12
Глава 5	14
Глава 6	18
Глава 7	24
Глава 8	28
Глава 9	32
Глава 10	36
Глава 11	40
Глава 12	44
Глава 13	48
Глава 14	53
Глава 15	56
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Глава 1

Ранняя осень разливается в парке тёплыми оттенками. Листья под ногами шуршат, а воздух пахнет увяданием и сладкой ватой, которую продают у входа. Я держу Соню за руку. Её пальчики цепко обхватывают мои, словно это единственное, что удерживает её в этом мире, который часто кажется ей слишком громким, слишком ярким, слишком непонятным.

Мы только вышли из реабилитационного центра. Это место всегда давит на меня своей стерильной "добротой": белые стены, игрушки, аккуратно расставленные на полках, лица специалистов, которые стараются выглядеть дружелюбно, но от их взгляда мне хочется провалиться сквозь землю.

Каждый раз там — испытание. Не только для Сони, но и для меня. Иногда я думаю, что эти часы, которые мы проводим в центре, вытягивают из меня последние силы. Сидеть в коридоре, слушать приглушённые голоса за дверью, наблюдать, как другие родители нервно расхаживают от стены к стене или пьют кофе из автоматов... Всё это кажется бесконечным.

Но для Сони это важно. Я вижу, как постепенно, крошечными шажками, она меняется. Неделию назад она впервые сказала слово «мячик» в ответ на вопрос психолога. Я чуть не расплакалась прямо там, в кабинете. Ради таких моментов я готова проходить через это снова и снова, даже если после этих занятий она усталая, раздражённая, будто её вынули из знакомой оболочки и заставили жить без неё.

Сейчас её ножки громко топают по асфальту, она идёт быстро, вздрагивая от каждого резкого звука — крика ребёнка на детской площадке, далёкого лая собаки. Её глаза беспокойно бегают, она дёргает меня за руку, будто боится, что если отпустит, то сразу потеряется в этом шумном, огромном мире.

— Ма-а... кач-ча, — говорит доченька. Её голос тонкий, неуверенный, но для меня он звучит как мелодия. Она так редко говорит что-то сама, так редко делится тем, чего хочет.

— Качели? Хочешь на качели? — спрашиваю я, стараясь звучать спокойно, хотя в груди снова всё сжимается. Каждый раз, когда она произносит слово, внутри меня смешиваются радость и страх. А вдруг качели заняты, и это разрушит весь её хрупкий мир? Она расстроится...

Соня кивает, не смотря на меня. Её мир сейчас — это шум, листья, качели, которые она хочет раскачать до бесконечности, чтобы заглушить этот хаос.

— Пойдём, — я веду её к площадке.

Сергей снова не смог нас забрать, сказал, что занят. Как всегда.

Иногда мне кажется, что он слишком легко говорит это слово — "занят". Легче, чем "приду" или "помогу". В последнее время всё чаще я ощущаю, как между нами растёт огромная пропасть. Когда-то она была просто тонкой трещиной, почти незаметной, но теперь я её вижу и чувствую. Сергей словно живёт в другом мире, где нет места для наших проблем, наших детей, наших с Соней реабилитационных центров.

Качели заняты, и Соня начинает нервничать, ёрзать, её пальчики сжимаются сильнее. Я чувствую её беспокойство, вижу, как её глаза сужаются, как она кусает губу, готовая сорваться в крик.

— Сонечка, подожди немного, ладно? — шепчу я, обнимая её за плечи. Моя рука ложится ей на спину, стараюсь её успокоить, но сама не могу избавиться от чувства тревоги.

Она топает ногой, но не плачет. Внутри у неё буря, я знаю это. Её мир всегда на грани — достаточно одного неправильного слова, звука, чтобы он рухнул.

И тогда я вижу мужа.

Моё сердце замирает, будто мир остановился. Детские голоса, смех, шелест жёлтых листьев под ногами — всё это становится далёким и глухим, как будто я смотрю на всё через толстое стекло.

Сергей. Он сидит на лавке у фонтана, всего в нескольких метрах от нас.

Я не сразу понимаю, что вижу. Его улыбка кажется мне чужой — слишком лёгкой, слишком яркой. Она не похожа на ту, что он когда-то дарил мне. Это не тот человек, который последние месяцы смотрел на меня с пустыми, уставшими глазами и говорил односложные фразы.

Рядом с ним женщина. Молодая, с тёмными волосами, собранными в хвост. На ней тонкий свитер, который подчёркивает её изящную фигуру. Она смеётся, и её смех звучит как вызов. Перед ними мальчик. Маленький, светловолосый, лет трёх.

Сергей протягивает мальчику огромный моток розовой сахарной ваты. Он смеётся, берёт ребёнка на руки и кружит, как будто это самое естественное для него занятие.

Я не могу оторвать взгляд. Моё тело будто налито свинцом, ноги приросли к земле. Внутри всё рушится, как карточный домик.

— Ма-а... кач-ча! — Соня дёргает меня за руку, и я вздрагиваю, словно вынырываю из-под воды.

Резко поворачиваюсь к дочери. Её лицо напряжено, брови сведены, рот приоткрыт. Её состояние хрупкое, как стекло. Я знаю этот взгляд, знаю этот тон, который может в любой момент перейти в плач. Но я не могу сосредоточиться на ней, на её мире. Сейчас я ужасная мать.

Сжимаю её руку крепче и смотрю снова на Сергея.

Он кружит мальчика. Кружит так, как никогда не кружил Соню. Или Машу. Или Диму. Моих детей. Наших детей.

Когда в последний раз он был с ними в парке? Когда он смеялся с ними, играл с ними, уделял им хотя бы час? Я даже не могу вспомнить. В последнее время всё сводилось к его раздражённым взглядам и коротким репликам: "Я устал", "Не сейчас", "Ты же справишься".

Я всегда справлялась.

Но видеть это сейчас, как он улыбается чужому ребёнку, отдаёт ему своё время, свою теплоту, — это разрывает меня изнутри.

Между нами давно появилась пропасть. Я чувствовала её. Эта трещина шла прямо через нас, через наш дом, через наше "мы". Я пыталась её игнорировать, закрывала глаза, говорила себе, что всё наладится. Но как же я ошибалась. Она становилась всё глубже, пока не превратилась в бездонную яму.

— Ма-а... — Соня снова дёргает меня. Её голос дрожит, и я понимаю, что ей тоже плохо.

Этот парк, эти качели — всё это должно было стать её безопасным местом после долгого дня в реабилитационном центре.

Но теперь я боюсь. Боюсь, что она увидит Сергея. Боюсь, что она узнает его и захочет побежать к нему. Она ведь каждый день ждет его...

Что будет, если она побежит к нему сейчас, если увидит, как он держит на руках другого ребёнка, как смеётся с этой женщиной?

Я представляю её лицо, если он оттолкнёт её. Или ещё хуже — если Сергей попытается объяснить это. Она не поймёт. Она не сможет понять. Это будет слишком для неё. Для нас обеих.

Я обнимаю её крепче, будто пытаюсь защитить и её, и себя.

— Пойдём домой, — шепчу, но мой голос звучит чужим.

Я осторожно разворачиваюсь, чтобы увести Соню подальше. Не знаю, замечает ли Сергей нас. Может быть, он увидел и сделал вид, что не заметил. А может, он действительно так поглощён этим моментом, что ничего не замечает.

Сонечка слегка дёргается в моих руках, её пальцы крепко обхватывают меня за плечи. Она начинает плакать. Слышу ее всхлипы и дыхание у своего уха, и это единственное, что удерживает меня на ногах.

Когда оглядываюсь в последний раз, я вижу только мужа с этим мальчиком на руках и розовую сахарную вату. Этот образ останется со мной навсегда.

Муж, который готов подарить счастье кому угодно, но только не нам.

Глава 2

Лежу на кровати, глядя в потолок, но сна нет. Сквозь щель в занавесках пробивается тусклый свет фонаря, разливаясь по комнате слабым полумраком. Сергей ещё не вернулся. Опять.

Я прислушиваюсь к звукам дома. В детской всё тихо. Маша спит глубоко, как всегда. Ей четырнадцать, и она кажется такой взрослой, но в её лице всё ещё прячется что-то детское, особенно когда она спит, спрятавшись под одеялом с головой. Дима, наоборот, часто ворочается. Я слышу, как он бормочет что-то во сне, и думаю: может, это потому, что он чувствует напряжение, которое витает в нашем доме.

А Соня... Соня засыпает только после долгих ритуалов. Сегодня это была её любимая сказка. Я лежала рядом, шептала ей слова, которые повторяла уже сотни раз, и чувствовала, как её дыхание становится ровным. Её маленькие пальчики держали меня за руку до самого конца, и я не могла пошевелиться, пока они наконец не разжались.

Доченька очень боится перемен. Её успокаивают предсказуемость, знакомые звуки, мой голос. Но сегодня она была особенно неспокойна. Ужин, который я готовила для всех, превратился в балаган, когда Сергей снова не пришёл.

– Мама, а папа не придёт? – спросила Маша, сделав вид, что её вопрос между прочим.

Я заставила себя улыбнуться, как всегда.

– Он работает, милая. У него важные дела.

Дима скривился, уткнувшись в тарелку. Я видела, что он не верит мне, но ничего не сказал.

Соня начала раскачиваться на стуле, её лицо напряглось. Внутри неё явно нарастала тревога. Она не любит, когда кто-то из нас отсутствует, особенно если это Сергей. Её мир строится на маленьких стабильностях, на привычках. А мамино спокойствие, к сожалению, зависит от того дома папа или нет.

Мне пришлось обнять её, отвести в комнату и час успокаивать. Она не кричала, но её глаза были полны слёз, она цеплялась за меня, как утопающий за спасательный круг. Я говорила, что всё хорошо, что папа придёт завтра, что мы проведем день вместе. Лгала. И каждый раз, когда это делаю, мне становится чуть тяжелее дышать.

Когда Соня наконец уснула, я вернулась в кухню, где Маша уже убирала посуду.

– Я помогу, мам, – сказала она тихо, глядя на меня с таким пониманием, что мне захотелось плакать.

Но я не могу позволить себе плакать.

Теперь я лежу здесь, в этой темноте, и думаю о своем муже. Он обещал прийти на ужин. Снова. И снова я поверила. Как будто что-то могло измениться. Но часы тикают, минута за минутой, и ничего не меняется.

С годами я научилась чувствовать его отсутствие задолго до того, как он не приходит домой. Сергей вроде бы есть в нашей жизни — но по факту его нет. Он говорит со мной, но это формальные фразы. Смотрит, но не видит.

Раньше я думала, что это просто усталость. Дети, особенно Соня, требуют много внимания. Я знала, что наша жизнь тяжёлая. Но это была наша жизнь. Я верила, что он всё ещё здесь, что он всё ещё мой Сергей.

Но теперь я сомневаюсь. Эта трещина между нами становилась всё больше. Когда она началась? В тот год, когда Соне поставили диагноз? Я помню тот день, как будто это было вчера. Мы сидели в кабинете врача, держась за руки, и я чувствовала, как его пальцы дрожат. Он тогда сказал: "Мы справимся, Мира. Я с тобой."

Может, он тогда действительно верил, что сможет. Или это началось раньше, когда мы узнали, что у нас будет третий ребенок? Решиться в сорок на такое было нелегко... Может, именно тогда, я и перестала быть для него женщиной, став только матерью его детей?

Я чувствую эту трещину. Она как зияющая рана, которая больше не заживает. Сергей больше не мой. Мы всё ещё вместе, но каждый день я теряю его всё больше. Мысли мои прерывает щелчок дверного замка.

Глава 3

Я слышу, как открывается входная дверь. Его шаги тихие, как всегда, когда он возвращается поздно. Сергей никогда не шумит. Он словно пытается раствориться в ночи, избежать лишних слов, лишних вопросов.

– Ты задержался, – говорю я, не поднимая головы.

Муж заходит в спальню и молча включает ночник. Свет мягко освещает его лицо, и я вижу, как он хмурится. Раздражение — первый знак того, что разговор пойдёт тяжело.

– Работа, – коротко бросает он, снимая куртку.

– До двух ночи? – я сажусь на кровати, скрестив ноги, и смотрю на него.

– У нас проект горит. Я тебе уже говорил.

Его голос спокойный, отрешенный, неживой, как всегда. Но я чувствую под этой оболочкой что-то ещё — он явно готовится к обороне.

Собираюсь с мыслями, но воспоминание из парка снова накатывает, будто кто-то нажимает кнопку «воспроизвести»: женщина, ребёнок, его смех.

– Серёж, я сегодня видела тебя.

Он резко оборачивается. Его взгляд становится колючим, а плечи напрягаются.

– Что ты хочешь этим сказать? – хмыкает он сухо, почти предупреждающе.

Я не отвожу взгляда.

– Я видела тебя в парке. С какой-то женщиной. С мальчиком. Кто они, Серёж?

Мои слова, казалось бы, спокойные, отдают горечью, застревающей в горле. Внутри меня борются гнев и страх.

Муж молчит. Несколько секунд. А я считаю удары сердца, каждый из которых кажется ударом молота.

– Это не твоё дело, – говорит он наконец. Хлестко. Грубо.

Я моргаю, чувствуя, как внутри что-то разрывается.

– Не моё дело? – повторяю я, стараясь удержать голос ровным. – Ты серьёзно? Мы двадцать лет вместе, у нас трое детей. Как это может быть не моим делом?

– Мира, ты всегда делаешь из мухи слона. Не нужно усложнять.

– Я усложняю? – встаю с кровати, чувствуя, как волна гнева поднимается выше. – А ты когда-нибудь думал, что я просто пытаюсь понять, что происходит? Кто эта женщина? Кто этот мальчик? Это твой ребёнок?

Он вскидывает голову, и я вижу, как на его лице мелькает тень раздражения, смешанная с нервозностью.

– Это не важно, – говорит Сергей, избегая моего взгляда.

– Да что ты заладил “не важно”? – мой голос становится тише, но от этого напряжение в комнате только растёт. – Это очень важно, Сергей. Я не понимаю тебя. Чего ты добиваешься? Зачем так себя ведешь?

Он молчит. Дольше, чем я могу выдержать.

– Ты просто устала, Мира. Тебе надо отдохнуть. Как и мне. Я тоже очень сильно устал от тебя. От вас, – говорит Сергей, глядя мимо меня.

Его слова ударяют так резко, что я сначала не нахожу, что ответить. Они висят в воздухе, холодные, острые, отравленные ядом.

– Устал? – наконец говорю я, чувствуя, как внутри меня всё закипает. Мои пальцы сжимаются в кулаки так сильно, что ногти впиваются в ладони. – Мне отдохнуть? Ты ведь даже понятия не имеешь, каково это — каждый день бороться за слово, за взгляд, за улыбку своей дочери. Нести на своих плечах всё. Дом, быт, троих детей...

Сергей усмехается, но в этом жесте нет тепла.

– Ну а зачем ты их родила? – его слова звучат холодно, отрезающе, словно нож.

Я замираю. Эти пять слов отбирают у меня дыхание, будто кто-то ударил меня в живот. Мой взгляд невольно падает на него, пытаюсь найти хоть что-то в его лице — сожаление, раскаяние, что угодно. Но там ничего нет.

– Ты серьёзно? – шепчу я, и мой голос дрожит, хотя я стараюсь держать себя в руках. – Ты действительно сейчас это сказал?

– Да, серьёзно, – он говорит это ровно, без колебаний. – Ты хотела большую семью. Много детей. А теперь жалуешься.

– Это не жалобы, – я качаю головой, не веря своим ушам. – Да, я хотела. Я хотела семью. Настоящую семью, где все вместе, где есть любовь, где есть поддержка. А что сделал ты? Ты просто оставил меня одну, Сергей. Нашел себе кого-то...

– Ты знала, что это будет сложно, – он пожимает плечами. – Я сразу говорил, что не могу всё время быть рядом.

– Быть рядом? – мой голос повышается, но я быстро осекаюсь, чтобы не разбудить детей. – Ты вообще понимаешь, что ты говоришь? К черту твое присутствие. Мы уже давно привыкли, что тебе на нас плевать.

– Потому что я больше не могу так жить, – резко отвечает он. Его голос наконец дрогнул. Но не от вины, а от раздражения. – Я устал, Мира. Постоянные проблемы, Соня, твои истерики. Это всё слишком.

– Ты вообще слышишь себя? – возмущаюсь я, чувствуя, как слёзы подступают к глазам. – Ты говоришь, что Соня для тебя — это слишком? Что наши дети — это слишком?

Он молчит. Несколько долгих секунд. А потом выдыхает, глядя куда-то в пол.

– Я не хочу такой жизни.

Эти слова обрушиваются на меня, как лавина. Я чувствую, как ноги подкашиваются, и опускаюсь обратно на кровать. Смотрю на него, но передо мной уже не тот человек, за которого я когда-то вышла замуж.

– Тогда скажи мне, Сереж, – начинаю я медленно, с трудом выговаривая каждое слово, – что ты хочешь? Уйти? Начать всё заново? С кем-то другим?

Муж не отвечает. И его молчание говорит больше, чем любые слова.

– Поняла, – шепчу, отворачиваясь, чтобы он не видел слёз, которые я больше не могу сдерживать.

Сергей молча выходит из комнаты. Я слышу, как захлопывается дверь в ванну.

И в этот момент понимаю, что что-то в нашей жизни сломалось окончательно.

Глава 4

Я лежу в темноте, глядя в потолок, и слышу, как за стеной шумит вода. Сергей в ванной. Звук капель, бьющих о кафель, режет тишину. Обычно этот звук был бы успокаивающим, но сейчас он отзывается в моей голове гулкой болью.

Закрываю глаза, но передо мной снова всплывает его лицо, холодное, отстранённое. Эти слова... Душа разрывается, а слёзы текут, даже когда я пытаюсь их остановить.

Зачем ты их родила?

Он ведь сам хотел детей. Я помню его счастливое лицо, когда забеременела Машей. Он носил меня на руках, целовал мой живот, рассказывал, как будет учить нашу дочь кататься на велосипеде, как будет ей читать книги перед сном.

Когда родился Дима, муж тоже сиял. Строил планы, покупал игрушки, которые казались слишком сложными для малыша, но он так хотел быть рядом. Он сам укладывал их спать, возил Машу на занятия, учил её плавать, учил Диму ловить мяч. Сергей был настоящим отцом.

И даже когда я узнала о своей поздней, случайной беременности Соней, он не отвернулся. Мы оба были растеряны. Мне было сорок, у нас уже было двое детей. Я боялась, что возникнут трудности по женской части, что нам не хватит сил.

– Мы справимся, – сказал он тогда, беря меня за руку. – Аборт? Нет. Это наш ребёнок. Мы дадим ей всё.

Я помню его улыбку, когда Сергей гладил мой живот. Он выбирал имя. Говорил с Соней, ещё когда она была внутри. А теперь... Теперь мой муж говорит, что я усложнила нашу жизнь, что именно я виновата.

Как он мог? Когда он изменился?

Я вытираю лицо тыльной стороной руки, но слёзы не останавливаются.

Что будет с детьми, если он уйдёт?

Маша взрослая. Она сильная, но я знаю, что она уже понимает, что что-то не так. Дочь видит, как я пытаюсь улыбаться через силу, как мы с Сергеем избегаем друг друга. Дима... Он всё ещё верит, что папа его герой. Каждый раз, когда Сергей не приходит на его матчи, сынок прячет разочарование, но я вижу, как это его ранит.

А Соня... Она даже не сможет выразить словами свою боль. Она просто будет раскачиваться, кричать, плакать, когда мир вокруг неё начнёт рушиться. Как я смогу ей объяснить, что папа больше не придёт?

Шум воды стихает. Я слышу, как Сергей выключает душ, открывает шкафчик. Шорох его движений кажется оглушительным.

Его слова, сказанные недавно, снова всплывают в памяти: "Ты похожа на скелет. Вечно замученная и ненакрашенная."

Тогда я усмехнулась. Как будто у меня есть выбор. Каждый день — это борьба. Утро начинается с крика будильника, и я сразу включаюсь в гонку. Завтрак, школа, Соня, её занятия, Машины проблемы, Димины вопросы. День превращается в балаган из задач, которые никто, кроме меня, не решит.

Нет времени на отдых. Нет времени на себя. Я превратилась в мать, в машину, которая делает, решает, работает, но не живёт.

А муж? Видимо, он хотел лёгкости, той, что была раньше. Хотел женщины, которая всегда улыбается, всегда выглядит идеально. Но я не могу быть ею. У меня нет на это сил.

"Как мне быть дальше?" — этот вопрос звучит в голове, как заезженная пластинка.

Я не могу просто всё бросить. У меня нет права сломаться. Но мысль о том, что ждет впереди, давит, словно бетонная плита.

Финансово я полностью завишу от Сергея. Он зарабатывает. Я веду домашний быт, занимаюсь детьми, выступая в роли их якоря. Я не могу работать, потому что всё моё время принадлежит Соне. Каждая минута моего дня подчинена её миру — хрупкому, непредсказуемому. Её занятия, терапия, даже простая прогулка требуют полной концентрации. Иногда кажется, что если я хотя бы на секунду отвлекусь, всё развалится.

Соня — это мой смысл. И Машу с Димой я люблю до боли. Но... что теперь? Если он уйдёт, как я смогу справиться одна? Как я найду средства, чтобы обеспечить лечение Сони, чтобы поддерживать стабильность для всех троих?

Мои мысли возвращаются к тому мальчику. Кто он? Почему Сергей держал его так, словно тот был ему родным? Почему его лицо, его жесты казались такими тёплыми, такими... отцовскими?

Кто эта женщина? Почему она сидела рядом с ним, как будто они семья? Как давно они вместе?

Я хочу найти ответы, но боюсь их. Что, если этот мальчик — его сын? Что, если у него уже давно другая жизнь, и мы для него лишь обуза?

Внутри нарастает отчаяние, холодное, липкое, заполняющее всё. Но за ним приходит злость. Жгучая, как пламя. Я больше не могу закрывать глаза на его поведение. Не могу больше терпеть его холодность, его ложь, его пренебрежение.

Я не знаю, как быть дальше. Сейчас всё кажется бесконечным туннелем без света. Но знаю одно: я не позволю ему уничтожить то, что осталось от нашей семьи.

Вдыхаю глубже, сажусь на кровати и обхватываю себя руками, словно пытаюсь удержать себя в целом состоянии. Душа рвётся на части, но я знаю, что должна держаться. Ради детей. Ради Сони. Ради себя самой.

Если я позволю себе сломаться, кто поднимет меня? Кто поднимет их?

Сергей выходит из ванной, его шаги гулко звучат в тишине. Он стелет себе в зале на диване.

Заставляю себя подняться с кровати. В ванной по-прежнему висит пар после душа. Запах шампуня мужа напоминает о днях, когда я ждала возвращения Сергея, чтобы просто поговорить, быть рядом. Сейчас же этот запах лишь усиливает ощущение пустоты.

Я гляжу на своё отражение в запотевшем зеркале. Серое лицо, тени под глазами, волосы собраны в небрежный пучок. Я провожу пальцем по запотевшему стеклу, открывая часть своего лица.

Скелет...

Я улыбаюсь себе в зеркале — сухо, горько. Пусть так. Я похожа на скелет, но этот скелет держит на своих плечах все. И я не сдамся.

Глава 5

На следующее утро просыпаюсь рано. Свет за окном ещё мягкий, он ложится на стены золотистыми полосами. Дома тихо, только часы в гостиной мерно тикают.

Выскальзываю из кровати, стараясь не разбудить детей. Соня в эти моменты похожа на ангела. Её личико расслаблено, дыхание ровное, но я знаю, как быстро эта тишина может смениться бурей.

На кухне ставлю чайник и открываю холодильник. Пустые полки заставляют меня поморщиться. Сергей всегда был против больших закупок, говорил, что это бесполезная трата денег.

"Покупай все по мере необходимости," – любит говорить он.

Но теперь я смотрю на это иначе. Как мне одной обеспечить троих детей? Я ловлю себя на мысли, что последние годы не делала ничего для себя. Даже деньги, которые Сергей переводил, всегда уходили на оплату терапий для Сони, кружки Димы, одежду Маши.

Чайник закипает, наполняя кухню мягким шипением. Я наливаю себе чашку чая и смотрю в окно.

Мне нужно что-то менять.

Мысль об этом мальчике из парка снова всплывает в голове. Она мучает меня, гложет, как заноза. Кто он? Если Сергей ушёл из нашей жизни ради другой семьи, то я должна знать правду. У меня нет никаких сил оставаться в неведение.

В это время дверь детской тихо приоткрывается и выходит Маша, заспанная, с растрёпанными волосами.

– Мам, ты чего так рано встала? – шепчет она, зевая.

– Да что-то не спится, солнышко, – я улыбаюсь ей и машу рукой. – Иди сюда, завтракать будем.

Маша подходит ко мне, обнимает, уткнувшись носом в моё плечо.

– У вас же с папой всё хорошо, правда? – спрашивает она тихо, но в её голосе есть что-то напряжённое.

Я закрываю глаза, подавляя всколыхнувшуюся бурю эмоций внутри. Неужели, она что-то слышала вчера? Видимо, да, просто так бы она не стала задавать подобных вопросов.

– Конечно. Все будет хорошо, – отвечаю я, крепче обнимая ее. Но обещание звучит в моей голове не для неё, а для самой себя.

После завтрака, который я едва ощущаю на вкус, я убираю посуду и думаю о том, с чего начать. Сергей уехал рано, оставив после себя лишь звук захлопнувшейся двери. Я даже не видела его перед уходом, но меня это уже не удивляет.

Маша ушла в школу, как всегда, самостоятельно собрав свои вещи. Она всё делает молча, без вопросов, только иногда бросая на меня внимательные взгляды, которые делают боль ещё сильнее. Она всё чувствует.

Дима забрался на диван с планшетом, он сегодня дома, так как только переболел простудой. Педиатр советовала еще пару дней провести вне школы. А Соня сидит на полу в гостиной, аккуратно раскладывая кубики в определённой последовательности. Её движения точные, почти механические, и я наблюдаю за ней с нежностью и тревогой. Каждый раз, когда кубик ложится не так, как она задумала, её лицо напрягается, а я сжимаю кулаки, чтобы не вмешиваться. Она должна справляться сама.

Но мои мысли всё равно возвращаются к нему. К Сергею. К его словам: *"Зачем ты их родила?"* Как он мог сказать это? Как он мог забыть, как мы вместе радовались каждой беременности? Его счастливое лицо, когда он держал новорождённую Машу, его горделивые речи о том, как Дима играет в футбол. И даже Соне, неожиданной, поздней, он радовался.

"Мы справимся," — сказал он тогда, когда я заплакала от страха. Именно муж был против аборта. Он держал меня за руку, говорил, что мы вместе все преодолеем. И я поверила ему тогда. А теперь он словно другой человек.

Кем он стал — этот мужчина, которого я видела в парке, который смеялся с чужим ребёнком, которого обнимала другая женщина?

Я беру телефон и начинаю искать информацию. Я не знаю, чего именно ищу — имя, фотографию, намёк на правду. Но пустота в голове давит сильнее, чем страх перед тем, что я могу узнать.

Телефон вибрирует в моей руке. Это сообщение от Сергея: *"Буду поздно. Не жди."*

Смотрю на экран, пытаюсь понять, что он чувствует, когда пишет это. Сожаление? Вину? Или это просто формальность, от которой он избавляется, чтобы я не задавала лишних вопросов?

Соня вдруг начинает хныкать. Её кубики падают, нарушая порядок, и я сразу опускаю телефон. Она качается взад-вперёд, её руки сжимаются в кулачки.

— Сонечка, всё хорошо, — подхожу к ней, мягко беру её ладошки. — Мы сейчас всё исправим, ладно?

Она смотрит на меня, её глаза полны слёз, но она кивает.

Соня успокаивается через несколько минут. Я поднимаю кубики, кладу их обратно в коробку и смотрю, как она углубляется в свой мир. Её пальчики ловко перебирают игрушки, а глаза сосредоточенно следят за каждым движением. У неё есть своё убежище, пусть даже хрупкое и уязвимое, а я больше не знаю, где моё.

К обеду Маша возвращается домой, тихо закрывая за собой дверь. Её лицо усталое, с тенью подросткового раздражения, которое она больше не старается скрывать. Она ставит рюкзак у стены и, бросив на меня короткий взгляд, идёт мыть руки.

Дима появляется через несколько минут с планшетом в руках. Он вяло пробирается к столу, уткнувшись в экран, и садится на своё место, не поднимая глаз.

— Мам, а папа сегодня опять поздно придёт? — спрашивает он, не отрываясь от игры.

Этот вопрос заставляет меня замереть. Я слышу его слова, но внутри всё сжимается так, что становится трудно дышать.

— Да, Дим. У папы много работы, — стараюсь говорить спокойно.

— Ему просто на нас пофиг, — хмыкает он. Голос звучит недовольно, но в нём больше грусти, чем злости.

Я чувствую, как мои пальцы сжимают вилку так сильно, что костяшки белеют.

— Дим, не говори так, — произношу я мягко, но он даже не поднимает на меня глаз.

Маша, к этому моменту уже успевшая сесть на свое место и приступить к трапезе, перестаёт есть. Она опускает ложку и смотрит на меня с таким вниманием, что мне становится не по себе.

— Мам, скажи честно, а мы... мы ему больше не нужны? — спрашивает она тихо, но её слова звучат как удар.

Грудь сжимается от боли, а слова застревают где-то глубоко внутри. Я открываю рот, чтобы что-то сказать, но не нахожу ответа. Как все к этому привело? С каких пор дети стали замечать и понимать больше, чем их родители?

— Ты что такое говоришь? Конечно, нужны, — наконец произношу я с притворной уверенностью.

Но Маша продолжает смотреть на меня, её взгляд тяжёлый и изучающий, словно она чувствует ложь в моих словах.

— Почему тогда он всё время на работе? Почему его никогда нет, когда нам нужно? — её голос начинает дрожать. — На мой день рождения он тоже, наверное, не придёт? Работать будет.

— Маша, он старается для нас, — говорю я, и мне самой трудно верить в собственные слова.

Она качает головой и снова берёт ложку, но уже не ест.

– Ага... Раньше мы жили не хуже, а папа все свободное время проводил с нами. Мы ему просто стали мешать.

Её голос тихий, но в нём звучит боль.

Дима, казалось бы, не обращает внимания, но я замечаю, как он сжимает планшет в руках. Ему всего десять, но он тоже понимает больше, чем должен в своём возрасте.

Меня накрывает волной отчаяния. Взрослые вопросы моих детей разрывают меня на части. Я хочу защитить их, но нужные слова не приходят в голову.

Маша, в отличие от Димы, не отворачивается. Она сидит напротив и смотрит прямо на меня, будто пытается понять, есть ли у нас ещё шанс. Её взгляд такой взрослый, такой серьёзный, что у меня на глаза наворачиваются слёзы.

– Всё будет хорошо, – шепчу я, стараясь, чтобы голос звучал тепло. – Это временно. Обещаю.

Маша ничего не отвечает. Она просто уходит в свою комнату, а Дима возвращается к игре, хмуря брови.

Я остаюсь на кухне одна. В комнате становится тихо. Обхватываю себя руками, чувствуя, как холод проникает в каждую клетку моего тела.

А я сама верю в то, что всё будет хорошо?

Этот вопрос вьётся в голове, пока убираю со стола. Но ответа я не нахожу.

После обеда Соня засыпает, и я решаю выйти на улицу. Машу прошу присмотреть за сестрой, и она охотно соглашается.

– Я ненадолго, – напоследок говорю ей, натянуто улыбаясь.

– Ок, – бросает она, уткнувшись в телефон.

На улице воздух свежий, но не холодный. Осень ещё не успела окончательно проглотить лето. Я сажусь на лавочку у подъезда, разглядывая падающие листья, но мои мысли блуждают в другом направлении.

Открываю телефон и снова набираю номер Сергея. Гудки идут один за другим, а ответа нет. Я не удивлена, но чувство опустошения накатывает волной. Почему он больше даже не пытается сделать вид, что мы ему важны?

Несколько секунд я просто смотрю на экран, чувствуя, как телефон начинает скользить в потеющей ладони. Потом делаю глубокий вдох и решаю позвонить Саше — единственному человеку из его окружения, с которым я была хорошо знакома. Может быть, он скажет мне то, что я должна знать.

– Алло, Саш? Это Мира, – голос дрожит, но я стараюсь говорить твёрдо.

– Мира, привет, – его голос звучит натянуто, как будто он сразу понял, что разговор будет тяжёлым. – Что случилось?

Я колеблюсь, сжимаю телефон крепче, чувствуя, как сердце начинает стучать быстрее.

– Саш, ты знаешь, с кем Серёжа проводит своё время в последнее время? – наконец спрашиваю я, выдыхая каждое слово с трудом. – Я... я видела его в парке с какой-то женщиной и ребёнком. Мне нужно знать, кто они.

Тишина. Гулкая, напряжённая, как будто воздух становится плотнее. Я понимаю, что он знает. Он всё знает.

– Мира, это ваши семейные дела... Спроси лучше у Серёги, а? – наконец говорит он, но его голос звучит неуверенно.

– Пожалуйста, ответь мне, – упрашиваю, почти умоляя. – Я хочу знать правду.

В трубке слышен его тяжёлый вздох.

– Чёрт, – выдыхает он наконец, а его голос звучит устало, будто он только что проиграл важный бой. – Сто процентов я об этом пожалею. Да и Серый меня потом приберёт... Но ладно. Короче, он с Маринкой спутался.

Имя ударяет меня как молния. *Марина.*

– Кто она? – спрашиваю я, хотя внутри уже начинаю понимать.

– Мы с ней давно встречались, лет пять назад. Просто короткий роман был. Потом как-то случайно пересеклись в ТЦ, я как раз с Серёгой был. Мы кофе выпили вместе, ну у них и закрутилось, видимо.

– Когда? – мой голос становится тише, почти шёпотом, а внутри все переворачивается.

– Когда это было, Саша?

– Да давно, Мир, – вздыхает он. – Года три точно прошло.

Три года. Мой мозг лихорадочно складывает цифры. Это всё началось, когда мы только начали замечать, что Соня не такая, как другие дети. Это был тяжелый для нас период, но мы с Сергеем ещё хоть как-то пытались поддерживать видимость семьи.

– А сын?.. – мой голос дрожит.

– Чего не знаю, того не знаю, – отвечает он, но его голос звучит так, будто он понимает, о чём я спрашиваю. – Ты, извини, мне бежать пора... Дела...

– Спасибо, Саша, – говорю я механически, но он уже отключается.

Сижу на лавочке, глядя в никуда, а в голове кружатся мысли. Три года. Три года он жил двойной жизнью. Кто этот мальчик? Если это его сын, значит, он всё это время скрывал от нас не только роман, но и целую семью.

Боль смешивается с гневом. Слезы начинают стекать по щекам, но я даже не пытаюсь их вытереть. Всё это время я думала, что проблема во мне, что я потеряла себя как женщина. А он просто ушёл. Ушёл в другой мир, где для него нет места ни для меня, ни для наших детей.

Сжимаю кулаки. Эта правда разрывает меня.

Открываю социальные сети Сергея, пытаюсь найти хоть что-то, что может мне помочь. Его страница практически пустая. Последние фотографии датированы прошлым годом, когда он выложил снимки нашего совместного с детьми отпуска. Тогда я ещё верила, что всё можно исправить, что мы можем вернуться к тем дням, когда были счастливы.

Нахожу страницу Саши и начинаю пролистывать список его друзей. Марину нахожу достаточно быстро. На её странице фотографии улыбающегося ребёнка — мальчика из парка.

Моё сердце сжимается.

Не знаю, что двигает мною. Скорее всего, желание докопаться до истины. Захожу в её профиль и пишу ей сообщение:

“Сергей — мой муж. Кто ты для него?”

Глава 6

Отправив сообщение, я блокирую телефон и кладу его на скамейку рядом с собой. В груди колотится сердце, как молот, а пальцы всё ещё дрожат. Эти слова, такие простые и прямолинейные, кажутся слишком громкими, режущими изнутри. Как будто вот-вот о них узнает весь мир и осудит меня за подобную инициативность.

Проходит минута, потом ещё одна. В голове мечется миллион мыслей, и я вдруг осознаю, что куда больше боюсь ответа. Что, если эта Марина скажет правду? Что, если подтвердит мои худшие опасения? Что тогда?..

Телефон вибрирует, и я вздрагиваю. Сообщение. Я хватаю смартфон, как будто от этого зависит моя жизнь, но это не от неё — просто рекламная рассылка. Горький смех вырывается из груди, почти истерический.

Я снова открываю её страницу. Просматриваю фотографии. Ребёнок, тот самый мальчик из парка, улыбается на почти каждом снимке. Под одной из фотографий с подписью *"Наш маленький герой"* я замечаю комментарий Сергея: *"Маленькие герои вырастают в великих людей."*

Эти слова буквально вышибают воздух из лёгких. Я закрываю глаза, пытаюсь успокоиться, но боль накрывает меня, как волна. Он писал ей. Комментировал её фотографии. А ведь нашим детям он едва уделял внимание последние годы.

Мой телефон вибрирует снова, вырывая меня из этих мыслей. Это оно. Сообщение от Марины.

"Думаю, вам стоит поговорить с вашим мужем."

Всего восемь слов. В них нет прямого ответа, но они словно подтверждают всё, что я боюсь узнать.

Мой мир начинает рушиться. Если Сергей и правда отец этого мальчика, то он предал нас не только потому что увлекся кем-то на стороне. Нет. Это будет самый глубокий уровень предательства. уровне. Он начал новую жизнь, создал другую семью, не соизволив позаботиться о той, что сам создал.

Я не успеваю додумать эти мысли до конца, поскольку на телефон поступает входящий от Маши.

— Мам, ну и где ты? Соня не может успокоиться. Ты скоро?

Её голос напряжённый, почти умоляющий.

— Да, я уже иду, — отвечаю бесцветным голосом. Холод, пронзивший душу, грозит вот-вот вырваться наружу.

Я поднимаюсь со скамейки, стискиваю телефон в руке и направляюсь домой. Голова кружится, а в сердце разрастается пустота.

До вечера я словно робот выполняю свои каждодневные обязанности.

И только уложив детей, я позволяю себе вновь вернуться мыслями к своей катастрофе. Дом погружен в тихую ночную дремоту. Но я не могу найти покоя.

Сажу на краю кровати в нашей спальне, обхватив себя руками. Часы показывают за полночь, но сна нет. Я чувствую себя пленницей этой тишины, будто весь дом затаил дыхание вместе со мной.

Марина так больше ничего и не написала. Её краткое сообщение крутится в моей голове, оставляя после себя кислый привкус горечи.

"Думаю, вам стоит поговорить с вашим мужем."

Что она хотела этим сказать? Почему не ответила прямо?

Всё, что я хочу, — это ясности. Чтобы, наконец, вырваться из этой липкой неизвестности.

Снова открываю телефон, перелистываю старые сообщения Сергея. Наши переписки полны банальностей: *"Забери Машику от подруги."*, *"Купи молоко."*, *"Буду поздно."* Где-то в них пропали слова любви, заботы, поддержки.

Проходит ещё час. Я проверяю время, но цифры не имеют значения. В голове крутится одно — дождаться его возвращения и потребовать правды.

Около двух часов ночи я слышу, как скрипит входная дверь. Тихие шаги в прихожей, едва слышное вздохи, будто муж пытается не разбудить детей.

Дверь в спальню медленно открывается, и Сергей замирает в проёме, увидев меня. Его лицо в полумраке кажется чужим, тени ложатся на скулы, делая его взгляд отстранённым.

— И чего ты опять не спишь? — его голос тихий, сухой, словно он не хочет вступать в разговор.

— Ждала тебя, — отвечаю я, стараясь, чтобы голос не дрожал.

Он бросает куртку на стул и начинает развязывать галстук, избегая моего взгляда.

— Нам нужно поговорить, Серёж, — говорю я, усилием воли заставляя себя не отводить глаз.

— Сейчас? — он бросает галстук на кровать, но в его голосе уже слышится раздражение.

— Я устал. Давай завтра.

— Нет, — твёрдо говорю я, чувствуя, как внутри меня нарастает волна гнева. — Больше никаких "завтра".

Он наконец поднимает на меня взгляд, его глаза холодные, будто это я во всём виновата.

— Ты с Мариной спишь? — спрашиваю я прямо, чувствуя, как моё сердце начинает колотиться сильнее.

Его лицо остаётся непроницаемым. Он словно даже не удивляется тому, что мне известно имя той женщины. Будто все идет так, как и задумано.

Я переживаю несколько томительных секунд тишины, прежде чем слышу:

— И что, если да?

Моргаю, пытаюсь осознать сказанное им. Понять, что он чувствует. Гнев? Раскаяние? Но в его глазах — пустота. Эта именно она пугает меня больше всего.

— Ты... серьёзно? — мой голос дрожит, но я стараюсь держать себя в руках. — Так просто говоришь об этой грязи? Без капли сожаления?

Сергей вздыхает и опускается на кровать. Он берется за голову, словно этот разговор его изматывает. Но даже если так, сейчас мне его не жалко.

— Что ты хочешь услышать, Мира? Что я ошибся? Что мне жаль? — его голос тихий, но в нём нет тепла.

— Я хочу услышать правду, — парирую, скрестив руки на груди. — Почему? Почему ты сделал это?

Он поднимает голову и смотрит на меня. Его взгляд тяжёлый, но в нём всё ещё нет ни раскаяния, ни сожаления.

— Потому что я больше не мог так жить, — говорит он, выделяя каждое слово. — Понимаешь, так... случается. Когда ты берешь в жены женщину, которая с годами превращается в типичную «яжемамку», которая существует только ради детей. Забывая о том, что у нее вообще-то и муж еще есть.

— Так это я виновата во всем? — мой голос становится тише, но внутри меня бушует шторм.

— Да. А кто еще? — его голос становится твёрже. — Ты посудомойка, уборщица, няня, но не жена, не любовница. Полностью сосредоточилась на детях. На Соне, Маше, Диме. Для меня места не осталось. Почему я должен довольствоваться какими-то крохами внимания, когда есть вариант попроще?

«Попроще,» — это слово режет слух, вызывая неясный приступ изжоги.

– А ты когда-нибудь задумывался, почему так случилось? – горько усмехаюсь. – Кто ещё мог справляться со всем этим, если не я? Кто ещё мог водить Соню на терапию, заниматься с ней дома? Кто помогал Маше с её проблемами? Кто объяснял Диме, что папа вечно занят? Ты?

Сергей опускает глаза, но я не даю ему шанса уйти от этого разговора.

– Ты был рядом, Серёжа, но только физически. Ты давно бросил нас.

– Так, а нахрена я вам тогда сейчас? – взрывается он, поднимая голову. – В качестве кошелька? Я прихожу сюда, как в ночлежку. Чистая кровать и тарелка супа — вот мой максимальный удел, да? Сама подумай, с чего вдруг меня после такого должно тянуть домой?

– Ночлежка? Значит, вот как ты воспринимаешь наш дом... – я едва не задыхаюсь от возмущения, чувствуя, как мои руки начинают дрожать. – А, может, это ты подумаешь, каково мне? Я тоже, знаешь ли, свою жизнь не так представляла. Задолбанная бытом женщина, забывшая, что такое любовь и поддержка мужа. Но дети — это ответственность, Серёж. Легко ни у кого не бывает. У каждого свои трудности и проблемы. И, конечно, идеальное решение трудностей — закозлить!

– Ой, вот давай не начинай. Не нужна тебе моя любовь, – огрызается он. – Ты вспомни, когда у нас последний раз секс был. Не тихонько, прислушиваясь к звукам за дверью, а нормальный?

– Так все дело в сексе? – мой голос срывается. – Я была так поглощена тем, чтобы держать нашу семью на плаву, а ты в это время не знал, куда свое хозяйство пристроить. Выбрал лёгкий путь. «Попроще», как ты сказал, да? Вместо того чтобы поговорить со мной, все решить, ты нашёл другую.

Сергей замирает. Несколько долгих секунд мы смотрим друг на друга, словно пытаемся понять, что осталось между нами.

– Ты хочешь знать о Марине? – наконец говорит он. – Хорошо. Мы встретились случайно. Это началось с простых разговоров. Она слушала меня. Видела во мне мужчину. Интересного, сексуального. Она боготворила меня...

– Это потому, что она не знает тебя настоящего, – перебиваю я. – Она не видела тебя злым, раздражённым, уставшим. У нее нет троих детей, один из которых нуждается в особом внимании. Для неё ты просто свободный мужик. Но стоит вам начать жить вместе, все быстро скатится к тому же, что и у нас. Проблема в тебе. Тебе всегда нужна будет легкость. Так ведь? Никогда не думала, что ты такой поверхностный, Сережа...

– Может, ты просто хочешь меня видеть таким, – тихо говорит он. – Наслушалась своих подружек, которые вечно ссут тебе в уши о том, что каждый мужик козел, вот и довыпендривалась.

– Причем здесь мои подруги? – едва ли не рычу я раненым зверем. – Я говорю о том, что не понимаю, кто ты! Лжец? Муж на две семьи? Ты же вообще думаешь о наших детях! Что ты скажешь им?

Сергей молчит. Это молчание говорит больше, чем любые слова.

– А этот мальчик? – я спрашиваю, хотя боюсь ответа. – Это твой сын?

Его взгляд становится отстранённым. Он не отвечает сразу, но я вижу, как его лицо меняется.

– Нет, – его ответ звучит неожиданно резко, как будто Сергей пытается оборвать этот разговор, закрыть тему раз и навсегда.

– Нет? – повторяю, пристально вглядываясь в его лицо. – Или ты просто так решил мне сказать, чтобы я отстала?

Он снова смотрит в пол, его руки сжимаются в кулаки.

– Он не мой, – повторяет Сергей медленнее, с нажимом, но в его голосе больше нет уверенности.

– Тогда кто он? Почему ты с ним возишься так, будто ситуация обстоит иначе? Почему ты с Мариной в парке, крутишь его, покупаешь ему сахарную вату? Ты даже нашим детям столько внимания не уделяешь, Серёжа!

– Потому что она мне близка, – резко бросает он, поднимая голову. – Потому что пацан растёт без отца. И очень привязался ко мне.

– Обалдеть... К тебе привязался чужой мальчик и ты растаял. Решил стать ему отцом, – выдавливаю я, с трудом сдерживая гнев. – Я напомним тебе, что у тебя трое детей и сейчас они тоже растут без отца! Или тебе просто нравится эта иллюзия, где нет плачущей Сони, Маши с её подростковыми кризисами и Димы, который всё ещё верит, что его отец идеален?

Сергей отводит взгляд. Его челюсть напряжена, и он медленно проводит рукой по лицу, как будто пытается стереть эту ситуацию вместе со своими эмоциями.

– Ты ничего не понимаешь, – бросает он наконец, его голос холодный, почти злой.

– Ничего? – мой голос становится тише, но я чувствую, как гнев начинает закипать внутри. – Хорошо, тогда объясни мне. Почему чужой ребёнок и женщина, с которой ты изменял мне три года, вдруг оказались важнее твоей собственной семьи? Объясни, почему тебя тянет играть в отца там, где ты ничего не строил, вместо того чтобы быть настоящим отцом здесь?

Муж смотрит на меня, и в его глазах мелькает раздражение.

– Потому что здесь я не чувствую себя живым, – выпаливает он, словно это его оправдывает. – С тобой, с детьми — это просто рутина, бесконечный замкнутый круг проблем. Это душит меня. А там... там я чувствую себя важным и нужным. Как они меня встречают, как заботятся обо мне...

– А здесь, значит, не нуждаются в тебе и не заботятся? – нет, мне этого не понять!

– Ты поглощена детьми, – бормочет он, начиная повторяться.

– Конечно! – мой голос срывается. – Кто ещё будет ими заниматься? Пока ты "в папку играл", я пыталась быть для них и мамой, и папой.

Сергей вздыхает и качает головой, будто мои слова раздражают его ещё больше.

– Ты это всё так видишь, да? – бросает он, его голос становится жёстким. – Как будто я просто бросил вас. Как будто я ушёл ради развлечений.

– Да, так! – резко отвечаю я. – Ты выбрал лёгкий путь. Вместо того чтобы сражаться за семью, ты сбежал. К женщине, у которой нет троих детей, где нет проблем и где тебя могут боготворить.

Он усмехается, но в этой усмешке нет ни капли радости.

– Ну, извините, если я не нужен тебе, как мужик, что мне оставалось делать?

– Мне некогда было думать о тебе как о мужчине, когда мне приходилось спасать нашу семью. Когда ты молчал и уходил с головой в работу, я делала всё, чтобы дети не чувствовали трещины между нами. Ты хочешь, чтобы я в таком состоянии улыбалась и бегала вокруг тебя? Облизывала и в рот заглядывала?

Он встаёт с кровати, нервно проходит по комнате.

– Ты даже не пыталась, Мира, – говорит он, глядя на меня сверху вниз. – Ты просто ушла в себя и сделала вид, что всё нормально, пока мы оба медленно тонули.

– Тонул ты. Я пыталась грести. За тебя, за себя, за детей.

Он снова отводит взгляд, но я продолжаю:

– Ты хочешь, чтобы тебя боготворили? Так вот новость для тебя, Сереж: боготворить тебя некому. Потому что настоящий отец и муж не сбегает. Настоящий муж говорит, что ему тяжело. Настоящий муж хотя бы пытается поговорить.

– Я пытался, – бросает он, глядя на меня с вызовом. – Но больше не осталось сил. Не могу я так как ты. Похерить свою жизнь, вырастить детей, опомниться, а мне уже за полтинник. И что остается? Ездить на огород, сажать помидоры? Смотреть с тобой новости? Мир, у мужиков

все сложнее. Вы и после менопаузы можете с мужиками, а у нас это дело недолгое. Достало меня голодным ходить.

Я замолкаю, ошеломлённая его словами. Его лицо напряжено, глаза горят смесью раздражения и... страха? Я не могу поверить, что он только что это сказал.

– Голодным ходить? – повторяю я, словно не верю собственным ушам. – Seriously? Ты снова сейчас об этом?

Сергей отводит взгляд, но не перестает гнута свою линию.

– Да. Seriously, – резко бросает он, снова глядя на меня. – Ты думаешь, я ничего не чувствую? Что мне просто всё равно? Да я уже годами живу с ощущением, что меня никто не видит. Ты вся в детях, а я где? Я не хочу просто быть ещё одним твоим сынком. Я мужик.

– Спешу тебя огорчить, ты не мужик, а животное. Хотя не буду оскорблять их. Даже они своих детенышей не бросают.

Сергей морщится, будто мои слова попали в цель, но его раздражение только усиливается.

– Отлично, Мира. Продолжай. Бей сильнее, чтобы я окончательно почувствовал себя дерьмом, – огрызается он, расправляя плечи. – Ты ведь всегда так делала. Всегда у тебя кто-то виноват.

– Сейчас виноват ты. И ты меня в этом не переубедишь, – говорю я, глядя ему прямо в глаза. – И знаешь, что? Если тебя надо целовать в зад, если ты с такой тонкой душевной организацией, то уходи. Ты мне больше не нужен.

Он замирает, словно не верит услышанному.

– Что? – его голос становится тише.

– Уходи, – шепчу я, чувствуя, как слёзы подступают к глазам, но я больше не пытаюсь их сдерживать.

– Ты серьёзно? – он делает шаг ко мне, но я отступаю.

– Да, – отвечаю я твёрдо. – Мне будет тяжело, но я справлюсь. Ради детей. Ради себя. А ты... ты можешь идти. К своей Марине. К её ребёнку. Где тебе легче и проще.

– Прекрасно! Решила гордость включить? Вместо того, чтобы все исправить, переубедить меня. Куда ты с тремя детьми? Ты даже работать не можешь. Далеко на гордости уедешь? Сама же прибежишь обратно звать.

Я чувствую, как внутри всё кипит, но снаружи остаюсь спокойной. Его слова — последнее, что связывает меня с человеком, которого я когда-то любила. Но сейчас я вижу перед собой не того Сергея, который был рядом все эти годы. Передо мной стоит чужой мужчина, жалкий в своей попытке казаться сильным.

– Проваливай, Серёжа, – говорю я тихо, но твёрдо. – Собирай свои вещи, и чтобы духа твоего здесь не было.

– Ты правда хочешь, чтобы я ушёл? – он делает шаг ко мне, но я не двигаюсь.

Глубоко вздыхаю. Я, по его мнению, на китайском что ли говорю?

– Да, – повторяю с каменным лицом. – Я больше не хочу видеть тебя здесь.

– Хорошо, – бросает он, отступая назад. Его голос полон гнева, но я вижу, что за этим ним прячется боль.

Он разворачивается, выходит из комнаты, хлопнув дверью. Несколько минут я стою в абсолютной тишине, слыша, как он собирает свои вещи, доставая их из шкафа в прихожей. Потом — звук входной двери, которая закрывается чуть тише.

Тишина становится гулкой. Я сажусь на кровать и обхватываю себя руками. Слёзы текут, но на этот раз это слёзы не только боли, но и освобождения.

Мне будет тяжело, я знаю это. Не питаю иллюзий. Но сейчас, когда он ушёл, я чувствую лёгкость. Я больше не привязана к его лжи, к его безразличию.

Подавляю судорожный всхлип, вытираю слёзы и встаю. У меня есть дети. У меня есть я. И этого достаточно, чтобы начать заново.

Глава 7

Сергей

Дверь за мной захлопнулась с гулким эхом, будто поставила жирную точку в разговоре, который я даже не хотел начинать. Холодный воздух подъезда бьёт в лицо, но не остужает — внутри всё до невозможности кипит.

Мира ни черта не поняла. Как всегда, не захотела ни слышать, ни слушать. Её взгляд, этот холодный, отрешённый взгляд, будто я уже не человек, а чужак, до сих пор стоит перед глазами. Она смотрела на меня, как на врага, которого давно пора выставить за порог. Что ж... ну и флаг ей в руки.

Усмехаюсь, идя к машине со багажной сумкой наперевес. Справится она. Конечно. Мира всегда говорит, что сильная. Говорит, что всё может. Но что она будет делать одна? С тремя детьми.

Соня — это отдельный мир, который рушится от любого изменения. Её терапия, срывы, вечные истерики, которые она даже толком объяснить не может по причине своего возраста и отклонений. Маша — бомба замедленного действия с её подростковыми закидонами. А Дима? Он всё ещё верит, что его отец супергерой, хотя я уже давно сбросил этот плащ.

Хлопаю дверью машины так, что эхо разносится по пустому двору. Сажусь за руль, кладу руки на руль и закрываю глаза.

"Что она скажет детям?" — этот вопрос сверлит мне мозг.

Перед глазами всплывает лицо Маши. Она спросит, конечно, своим слишком взрослым тоном: *"Мама, где папа?"* Маша всегда слишком много думает, слишком много понимает. Сын будет молчать, делать вид, что ничего не произошло. Но потом, ночью, я знаю, он будет лежать в своей комнате и думать, что сделал что-то не так. А Соня? Она просто будет ждать. Будет смотреть на дверь и ждать, пока я вернусь.

Проклятье.

Завожу машину, но ноги не давят на педаль. Руки лежат на руле, а я просто смотрю в пустоту. Мне больше некуда идти. Да и хочу ли я куда-то идти?

Я не могу вернуться туда.

Мирин взгляд, этот твёрдый, прощальный взгляд, не выходит из головы. Когда она сказала *"уходи"*, в её глазах было что-то... новое. Как будто она действительно решила, что ей больше ничего от меня не нужно.

Она изменилась. Я тоже. Мы оба превратились в тени. Мира стала просто матерью. Её мир — это дети, расписания, списки покупок, борьба за каждый день. Она давно перестала быть женщиной, моей женой. Когда в последний раз она смотрела на меня с интересом? Когда в последний раз я был для неё кем-то важным?

Но и я не лучше.

Прекрасно знаю это. Понимаю, что поступаю трусливо, сбегаю. Мне всего-то нужна была хотя бы иллюзия лёгкости. Я хотел, чтобы на меня смотрели с восхищением, как когда-то Мира, но больше не она. Марина... Вот она смотрела на меня именно так. В её глазах я был интересным, сильным, желанным. Мужчиной. Но, чёрт возьми, я ведь сам понимаю, что это ненадолго. Всё это — просто временное укрытие от реальности.

Стискиваю руль так, что костяшки белеют. Я не хотел, чтобы всё закончилось так. Честно говоря, даже и представить не мог, что правда вскрыется когда-либо.

Но вернуться я не могу. Не хочу.

Меня разрывает долбанными противоречиями. Умом-то я понимаю, что бы не говорила Мира, она не справится сама, без меня. Однажды просто выгорит, как свечка, и сдётся. Но сколько пройдет времени? Месяц? Два? Год?.. Какая разница! Ведь итог слишком ожида-

емый: рано или поздно Мира сама позвонит и попросит о помощи. Она всегда думает, что сильная, но её силы не бесконечны. В конце-концов, моя жена — всего лишь навсего слабая женщина.

Провожу рукой по лицу, будто пытаюсь стереть все эти мысли. *Я тоже устал.*

Можно ли считать это оправданием моего ухода? А почему нет? Я просто не могу больше жить в этом доме, где вместо семьи — рутина, бесконечные проблемы и никакого конца. Мне хочется дышать. Жить. Заниматься сексом. А не просто быть приложением к собственной семье.

Я поднимаю взгляд на окна нашей квартиры. Свет ещё горит. Наверное, Мира сидит сейчас на кровати, обняв себя руками, как всегда делает, когда всё рухнет. Это ее выбор. Так что я все сделал правильно... Наверное.

Неясно только почему я чувствую себя так, будто Мира только что вырвала из меня что-то жизненно важное?

Завожу машину, и гул двигателя немного возвращает меня к реальности. Мне нужно куда-то ехать, куда угодно, только не стоять в этом треклятом дворе, глядя на наши окна. Свет там всё ещё горит, но я больше не могу смотреть на него.

В голову приходит только один человек, к которому я мог податься сейчас. Марина. Я знаю, что она ждёт меня. Всегда ждёт. Она никогда не задаёт лишних вопросов, не устраивает скандалов, встречает с улыбкой. Я поворачиваю руль, включаю фары и выезжаю на пустую улицу.

Мы встретились впервые года четыре назад, в торговом центре. Тогда нас познакомил Санька. Она была... другая. Нежная, хрупкая, с каким-то внутренним светом. Я заметил её сразу, но тогда был слишком погружён в свою жизнь, бытовые проблемы. У нас с Мирой все было более-менее нормально, и я вообще не рассматривал других женщин, как сексуальный объект.

И тем не менее, Марина, определенно, произвела на меня тогда впечатление. Но жизнь все-таки развела нас в разные стороны. Потом, как водится, у неё тоже появились свои проблемы. Марина родила сына от какого-то мудака, который исчез, едва узнав о ребёнке. Жизнь её побила, это было видно, когда мы встретились снова пару месяцев назад, уже случайно, всё в том же торговом центре.

Марина стояла возле кассы, растерянно пытаясь разобраться с сумкой, пока её маленький сын дёргал её за руку. Она выглядела уставшей, но всё равно была красивой. Я не мог не подойти, просто чтобы сказать: *"Привет, ты помнишь меня?"*

И завертелось.

Марина оказалась совсем не такой, как Мира. Хрупкая, слабая. Она не справлялась с жизнью одна. Ей нужно было плечо, на которое можно опереться, о чем Марина не стеснялась прямо заявить. Я чувствовал себя рядом с ней нужным, сильным. Её восхищение мной — это было то, чего я так долго не получал дома.

Захлопываю дверь машины чуть сильнее, чем нужно, и иду к её подъезду, чувствуя, как напряжение внутри постепенно сменяется каким-то странным облегчением. Здесь я не враг. Здесь меня не судят. Здесь не будет этих разговоров о долге, ответственности и вине.

В подъезде пахнет сыростью и старой краской. Поднимаюсь в лифте, звоню в дверь, и почти сразу слышу её шаги. Она открывает, будто специально стояла рядом, готовая впустить меня в свою тихую, тёплую обитель.

Марина выглядит так, как будто ничего в этом мире её не коснулось. На ней лёгкий шёлковый халат, который слегка спадает с плеч. Её лицо слегка тронута макияжем, подчёркивающим её естественную красоту. Она улыбается мне, как будто я не мужчина, который только что вышел из разваливающегося брака, а герой, который вернулся домой после долгого отсутствия.

– Сережа, – произносит она моё имя мягко, с едва уловимой ноткой радости, и я чувствую, как что-то внутри меня откликается. – Ты вернулся.

Она не спрашивает, откуда я пришёл, не поднимает глаза к потолку, будто знает, что там, на несколько этажей выше, есть другой дом, другая жизнь.

– Я думала, ты уже не приедешь сегодня, – её голос лёгкий, без упрёков, без намёков. Просто мысли, которыми она делится.

Прохожу в коридор, разуваясь почти автоматически. В воздухе её квартиры пахнет жасмином и чем-то сладким. Здесь всегда так — тепло, уютно, спокойно.

– Просто не мог больше оставаться там, – отвечаю я.

Она подходит ближе, её ладонь касается моего плеча — едва ощутимо. Её жесты всегда такие. Лёгкие, ненавязчивые, но дающие понять, что она рядом. Что хочет меня.

– Я рада, – говорит она, и её голос звучит так, будто она действительно рада. – Проходи, любимый.

Я знаю, что она говорит искренне. Марина никогда не задаёт вопросов. Никогда не упоминает Миру, не спрашивает о детях. Это всегда остаётся за порогом её квартиры, за стенами её мира.

Марина такая, какой не была Мира уже давно. Она не требует, не упрекает, не заставляет меня чувствовать себя говном. Рядом с ней я могу быть собой, каким бы слабым или уставшим я ни был.

Из комнаты выбегает Никитка, босиком, в своей любимой пижаме с машинками, и с громким криком бросается ко мне на шею.

– Серёжа вернулся! – его голос звенит радостью, а маленькие руки обхватывают меня крепче, чем я ожидал.

Я автоматически кладу руки ему на спину, чувствуя, как что-то внутри сжимается. Этот мальчишка — не мой, но он всегда так радуется мне, будто ждал всю свою короткую жизнь.

– Привет, чемпион, – говорю я, пытаюсь улыбнуться. – Ты чего не спишь?

– Ждал тебя, – отвечает он, подняв на меня свои светлые глаза. В них нет ни упрёка, ни осуждения, только искреннее счастье.

Это счастье царапает меня изнутри. Никитка смотрит на меня так, как давно уже не смотрят мои собственные дети. Воспоминания всплывают одно за другим: Маша, с её настороженными вопросами, когда я возвращаюсь поздно. Дима, который просто молча отворачивается, когда я говорю, что не смогу прийти на его тренировку. Соня... Она давно перестала искать моего присутствия в своём мире.

"Когда я был дома раньше одиннадцати вечера? А когда в последний раз проснулся, чтобы позавтракать с ними? Они меня вообще видят?"

Марина, будто чувствуя, что мои мысли заходят не туда, мягко трогает меня за локоть.

– Пойдём, Серёж, – говорит она, сияя своей неизменной улыбкой. – Ты, наверное, голодный.

Она осторожно забирает Никитку из моих рук, тот тут же хватается её за плечо, но его взгляд всё ещё прикован ко мне, как будто он боится, что я снова исчезну.

Марина суетится на кухне. Она всегда такая: заботливая, внимательная, предугадывает, что мне нужно. Достает тарелку, наливает борщ, ставит передо мной хлеб, что-то спрашивает про мой день, но её вопросы лёгкие, ненавязчивые. Она никогда не копается в моём прошлом, не вытягивает слова, как это делает Мира.

Я замечаю, как её взгляд то и дело возвращается в сторону сумки, стоящей у двери. Она улыбается шире, чем обычно.

– Ты останешься? – спрашивает она, хотя её голос звучит так, будто она уже знает ответ. Я киваю.

Она сияет ещё больше. Достает чашку, наливает мне чай. Всё вокруг кажется слишком тихим, слишком спокойным, как будто этот момент существует в каком-то вакууме, отдельно от реальности.

Я начинаю есть. Борщ, горячий, с лёгким запахом укропа, казалось бы, идеальный. Но первый же ложка заставляет меня вспомнить о том, как готовит борщ Мира. У неё всегда был другой вкус, насыщенный, глубокий, как будто она вкладывала в каждую тарелку часть своей души.

Эта мысль больно бьёт меня. Я отмахиваюсь от неё, как от надоедливой мухи, но она уже засела в голове. Ложка висит в воздухе, я смотрю на тарелку и вдруг понимаю, что не могу есть дальше.

Кусок больше не лезет в горло.

Марина замечает это, останавливается, ставит чайник на стол и садится напротив.

– Что-то не так? – спрашивает она, её голос мягкий, почти тревожный.

Я поднимаю на неё глаза, но не знаю, что ответить. Всё не так. Всё. Вкус борща, этот слишком тихий дом, её сияющая улыбка, которая так отличается от уставших, но родных глаз Миры. Никитка, который почему-то все еще не спит, хотя на дворе глубокая ночь, и думает, что я его настоящий отец. А где мои дети? Где моя семья?

Марина ждёт ответа, но я молчу. Просто сижу и смотрю на неё, пытаюсь собрать свои мысли. Но чем больше я думаю, тем сильнее внутри разрастается пустота. И ощущение, что я не там и не с теми людьми.

Глава 8

Ночь проходит без сна. Лежу в темноте, слушая, как скрипит старая мебель, как за стеной мирно посапывает Соня, как в соседней комнате ворочаются во сне Маша и Дима. Каждый звук кажется громче, чем обычно, потому что внутри меня абсолютное, гулкое молчание.

Сергей ушёл. Я выгнала его.

Эта мысль крутится в голове без остановки, как сломанная пластинка. Вроде бы я должна чувствовать облегчение. Ведь этого я и хотела, правда? Но внутри только пустота. Не потому, что мне его не хватает — я давно уже жила одна, даже когда он был в доме. А потому, что теперь впереди неизвестность. И страх.

Я переворачиваюсь с боку на бок, уговариваю себя хотя бы на пару часов забыться сном, но не получается. Утром поднимаюсь, собираю детей в школу, отвожу Соню на занятия, а потом просто сижу на кухне, глядя в одну точку.

Когда в дверь раздался стук, я даже вздрагиваю.

– Открывай, я знаю, что ты дома! – раздался за дверью знакомый голос.

Лида — моя боевая подруга. Я устало провожу рукой по лицу и иду к двери. Она стоит на пороге, одетая в свой привычный боевой комплект: кожаная куртка, тёмные джинсы, яркие губы и неизменный пакет с гостинцами в руках.

– Ты выглядишь как будто тебя танком переехали, подруга, – вместо приветствия заявляет она, проходя внутрь.

– Спасибо, Лид, именно это мне сейчас и нужно было услышать, – фыркаю я, закрывая за ней дверь.

– Ну, зато честно, – она ставит пакет на стол и, не спрашивая, начинает выкладывать на стол булочки, шоколад, какие-то пирожные в одноразовых контейнерах. – Знаю, что ты себя моришь голодом, а у тебя тут дети, им нормальная еда нужна.

Я сажусь за стол и просто смотрю, как она распоряжается на моей кухне, будто у себя дома.

– Что случилось? – наконец спрашивает она, внимательно разглядывая меня.

Я молчу. Не потому, что не знаю, что сказать, а потому что сказать это вслух — значит окончательно признать реальность.

– Мира, ты меня знаешь, я ведь не отстану. Всё равно расскажешь, так что давай без этих твоих многозначительных пауз. Что твой козёл натворил?

Я моргаю, пытаюсь разлепить пересохшие от усталости веки. Голова гудит, будто в неё забили гвозди, тело ломит от напряжения, которое не отпускало меня всю ночь. Лида стоит передо мной, скрестив руки на груди, пристально смотрит, и в её взгляде нет ни осуждения, ни жалости. Только ожидание.

Я глубоко вздыхаю, потираю виски.

– Я его выгнала, – говорю наконец, и слова, сказанные вслух, почему-то звучат сильнее, чем в голове.

Лида медленно поднимает брови, будто только что услышала, что я продала квартиру и уехала жить в тайгу.

– Ты серьёзно? – уточняет она, садясь напротив.

– Смысл мне врать?

Она присвистывает, вытаскивает из контейнера коробку с пирожными, открывает и протягивает мне одно.

– Ешь. Глюкоза для мозга нужна, а то ты похожа на призрака с замученными глазами.

Я смотрю на неё, потом на пирожное, но даже его сладкий запах не вызывает аппетита.

– Лид, у меня сейчас желудок сжат в комок, туда даже воздух с трудом проходит.

– Значит, будем работать через силу, – пожимает плечами она, откусывая от своего кусок с таким видом, будто это решает мировые проблемы.

Я сцепляю пальцы, смотрю на стол, на узор скатерти, водя по нему ногтем.

– Что теперь? – наконец спрашивает Лида, откидываясь на спинку стула.

– Теперь я одна с тремя детьми, без работы, без денег и без малейшего понятия, как выкарабкаться.

Лида молчит секунду, а потом хлопает по столу ладонью.

– Офигенно! Поздравляю!

Я поднимаю на неё ошарашенный взгляд.

– Ты с ума сошла?

– Нет, но, кажется, ты до сих пор не осознала, что сделала. Ты, мать твою, освободилась! Всё, Серёга пошёл нахрен, теперь ты можешь жить, как хочешь. Да, будет тяжело. Но это только пока. Всё можно решить, всё можно наладить. Главное — не раскисать.

Я нервно сглатываю, чувствую, как в груди снова подступает эта тошнотворная паника.

– Лид... Мне нужны деньги.

Она не моргая смотрит на меня, потом медленно встаёт, достаёт кошелек, вытаскивает несколько крупных купюр и кладёт передо мной.

– Бери. Возвращать не торопись.

Я закрываю глаза, сжимаю деньги в руке.

– Спасибо, – шепчу.

– Не надо "спасибо". Мне что, жалко? Ты бы для меня то же самое сделала, так что заткнись и принимай помощь.

Она откидывается на спинку стула, скрещивает руки на груди.

– Ты знаешь, где он сейчас?

Я смотрю на неё и без слов понимаю, что она уже догадалась.

– У неё, скорее всего.

Лида презрительно фыркает.

– Ну, конечно. Чисто по-мужски. Побрёл туда, где тепло, уютно и никто не пилит. Где можно пожрать борща и потрогать грудь в свободное время.

Я резко сжимаю кулаки.

– Знаешь, что самое противное? – говорю я тихо, вглядываясь в узоры на скатерти. – Я всё равно думаю о нём. О том, что он выбрал её, а не нас.

– Да пошёл он, – Лида закатывает глаза. – Серьёзно, Мир, какого хрена ты вообще о нём думаешь? Он же сам выбрал этот путь, не ты. Ты выгнала его не из-за истерики, не потому что тебе скучно стало, а потому что он уже давно был не с тобой.

Я закрываю глаза, сглатываю.

– А если я не справлюсь?

Лида резко подаётся вперёд, её голос становится твёрдым, как сталь.

– Ты справишься. Всегда справлялась. Просто тебе надо перестать думать, что всё зависит от него. Смотри на себя. Ты сильная. Ты вон сколько лет вытягивала всё это одна. А сейчас хотя бы не будешь себя обманывать.

Я молчу. Внутри меня всё ещё страх, но теперь к нему добавляется ещё что-то. Что-то, похожее на злость.

– Ты права, – наконец выдыхаю. – Я справлюсь.

Лида удовлетворённо кивает и откусывает очередной кусок пирожного.

– Вот и правильно. А теперь ешь.

Я смотрю на неё и понимаю, что впервые за всё утро мне стало хоть чуть-чуть легче.

После ухода Лиды остаюсь одна в тишине, которая кажется одновременно и утешительной, и угнетающей. Дети в школе, а Сонечка после нашей недолгой общей прогулкой спит. Я

начинаю прибираться, как будто каждое движение помогает мне собрать воедино разрозненные мысли и чувства. Заправляю постели, аккуратно складываю одеяла, будто пытаюсь укрыть не только кровати, но и свою боль. Протираю пыль с полок, и кажется, что вместе с ней стираю следы прошлого, которое больше не будет таким, как раньше. Каждое движение — это шаг к тому, чтобы привести в порядок не только квартиру, но и себя. Но внутри почти что выжженная земля.

В голове начинает выстраиваться план. Он кажется хрупким, как карточный домик, но это всё, что у меня есть.

Первым делом — алименты. Я не позволю Сергею просто уйти и забыть про детей. Мысль о нём вызывает гнев, но я быстро гашу его, потому что знаю: злость не поможет. Нужно действовать.

Затем — пособия. Это слово звучит как напоминание о том, что я теперь одна. Одна с тремя детьми.

Следом — работа. Это слово давит особенно сильно. У меня нет опыта, нет диплома, за плечами только годы, проведённые в заботе о детях. Кто меня возьмёт? К тому же, из-за особенностей Сони, я никак не могу выходить на полный рабочий день.

Страх сжимает горло, но я не могу позволить себе поддаться ему. Нет времени на сомнения. Нужно двигаться вперёд, даже если каждый шаг даётся с трудом.

Я открываю ноутбук, который давно пылился в углу. Он включается с ленивым гудением, будто чувствуя мою новую реальность. Я начинаю искать варианты. Фриланс, удалёнка, хоть что-то. Каждый клик по клавишам — это попытка найти опору в этом новом мире, где я больше не жена, а просто мама, которая должна обеспечить своих детей. Не могу позволить себе роскошь раздумий — мне нужно двигаться.

Время летит незаметно. Я увлечённо вбиваю поисковые запросы, заполняю анкеты, пока из коридора не раздаётся голос Маши.

— Мам, а почему папа не забрал нас? Он ведь обещал, что в четверг сможет.

Я замираю. Они вернулись из школы. Сердце начинает биться быстрее, и я чувствую, как в груди поднимается волна тревоги. Дети. Они ведь ещё ничего не знают. Как им объяснить, что их мир изменился навсегда?

Медленно выдыхаю и поднимаюсь из-за стола. Ноги будто ватные, но я заставляю себя идти.

— Мам? — теперь голос дочери более настойчивый.

Я выхожу в коридор, и взгляд Маши встречается с моим. Она сразу понимает. В её глазах читается что-то большее, чем просто вопрос. Она знает. Чувствует.

— Где папа?

Дима стоит чуть дальше, он не спрашивает, но ждёт. Его молчание пугает меня больше, чем вопросы.

Я открываю рот, но слова не идут. Как сказать им, что их отец выбрал не их? Как объяснить, что теперь всё по-другому? Перед глазами встаёт картина: Сергей в квартире Марины, сидит за её столом, а рядом её сын смотрит на него с восторгом. Меня охватывает горечь. Сердце сжимается, слёзы подступают к глазам, но я не могу плакать. Не сейчас.

— Папа больше не будет жить с нами.

Тишина. Она кажется такой громкой, что я почти слышу, как бьётся моё сердце.

Глаза Димы расширяются, в них появляется боль.

— Он нас бросил? — его голос дрожит, и я чувствую, как внутри всё обрывается.

Не могу ответить. Потому что да, он бросил. Но как сказать это своему ребёнку? Как объяснить, что человек, который должен был быть рядом, просто ушёл?

Маша сжимает губы, её лицо бледнеет.

– Я так и знала.

– Что? – я моргаю, не понимая, о чём она.

Она отводит взгляд, и вдруг я понимаю: Маша давно всё поняла. Её глаза наполняются слезами, но она не плачет. Просто смотрит в пол, и я вижу, как её маленькое сердце уже начало защищаться от боли.

А потом она выдаёт то, от чего у меня внутри всё обрывается:

– Я видела его с какой-то теткой. В магазине. Он тогда не обратил на меня даже внимания, смеялся с ней и игрался с ее пацаном. Это папин сын?

Глава 9

Глухая, удушающая тишина заполняет комнату, давит на грудь, вливается в виски, делая дыхание прерывистым, тяжелым, будто воздух вдруг стал густым и непроходимым. Я смотрю на Машу, а она смотрит на меня, но в её взгляде нет ни растерянности, ни обычной подростковой капризности, ни привычной вспыльчивости, после которой она через пять минут буркнет «прости» и уйдёт к себе в комнату. В её глазах злость, но не та, что вызвана запретом на очередную вечеринку или конфликтом с подругой, а какая-то глубокая, тяжёлая, как будто внутри у неё всё кипит, но она пытается сдерживать это, чтобы не взорваться, чтобы не вывалить на меня всё, что давно накопилось.

– Ты видела его с ней? – мой голос дрожит, но я заставляю себя говорить ровно, не давая панике взять верх. – Нет, это не его сын — это чужой мальчик.

Маша резко отворачивается, скрещивает руки на груди, словно защищаясь, словно боится, что я сейчас скажу что-то, что заставит её снова разозлиться или, наоборот, заплакать.

– Ну надо же... – хмыкает Маша, будто не веря мне. – Да, видела. И давно. Я не говорила, потому что... потому что думала, что ты и так знаешь.

Что-то внутри меня сжимается, дыхание застревает в горле, и я не могу понять, что сильнее — шок, боль или осознание того, что я действительно чувствовала это давно, подозревала, даже делилась своими опасениями с подругами, но так отчаянно цеплялась за остатки иллюзии, что позволила себе жить в этом обмане, как будто, если не говорить вслух, значит, этого не существует.

– Ты думала, я знала? – повторяю я, и даже для самой себя мой голос звучит пусто, будто я пытаюсь ухватиться за последние остатки реальности, но она уже рассыпается у меня в руках.

Маша резко разворачивается ко мне, её глаза сверкают от эмоций. В них боль, обида, гнев, целый шторм чувств, которые она слишком долго держала в себе.

– А что, мама? Разве ты не знала? Он же практически не бывал дома! Ты правда думала, что у него просто "много работы"? Ну ты же взрослая тетя, фильмы, сериалы смотришь и не догадывалась?

Я не знаю, что ответить, потому что — она права. Конечно, замечала. Чувствовала его холодность, смотрела пустые глаза, видела раздражение, когда я просила помочь с Соней, множеством раз выслушивала его отстранённые ответы, бесконечные «я устал», «не сейчас», «мне нужно время», его уходы по вечерам, звонки, которые он принимал, выходя из комнаты. Я знала. Просто не хотела признавать очевидное.

Дима переводит взгляд с меня на Машу и обратно. Сын молчит, но в его сжатых кулаках, в напряжённой челюсти, в дрожащих губах я вижу, как он сдерживает эмоции, как пытается быть сильным. Но я знаю — он не сможет держать это в себе долго.

– Так он нас действительно бросил? – голос сына совсем тихий, словно он боится произнести это вслух, словно в глубине души всё ещё надеется, что услышит от меня «нет» и всё окажется страшным сном, который вот-вот закончится.

Я закрываю глаза, пытаюсь собрать мысли. Внутри только растерянность и пустота, слова путаются, а в груди разливается давящая тяжесть. Как сказать ребёнку, что его отец предпочёл другую семью? Как объяснить, что любовь — это не гарантия верности и стабильности, что иногда люди просто уходят, даже если ты любил их всей душой?

– Нет, Дим, он не бросил вас... – говорю мягко, слишком осторожно, я хочу подобрать правильные слова, но понимаю, что правильных слов просто не существует. – Он остаётся вашим отцом, просто...

Просто что? Просто его нет рядом? Просто он живёт с другой женщиной? Просто у него теперь другая реальность, в которой нас нет? Эти слова застревают у меня в горле, потому что я не могу произнести их.

– Просто у него теперь другая семья, а мы нафиг не нужны, – перебивает меня Маша, её голос дрожит, но не от страха, а от злости, от кипящего внутри гнева, от той боли, которую она так отчаянно пытается скрыть. – Я же видела, как он с тем пацаном... Противно смотреть, как он себя строит хорошего папочку, для чужого ребенка! Он хоть извинился? Сто пудово, что нет.

Её слова бьют в самое сердце. Мне кажется, что я физически чувствую этот удар — резкий, безжалостный, как хлесткая пощёчина. Я закрываю рот, потому что сказать мне больше нечего. Потому что Маша сказала правду.

Сергей действительно слишком проникся к тому мальчику. Покупал ему сахарную вату, поднимал его на руки, кружил, смеялся... Я тоже это видела. И мне хотелось отвернуться, сделать вид, что это не он, что это просто похожий мужчина, просто чужая семья. Но это был мой муж...

– Вы для него не стали менее важны, – пытаюсь я заговорить, но сама не верю в эти слова. Они звучат натянуто, фальшиво, как плохо разыгранная сцена, и Маша тут же это чувствует.

– Перестань, мама! – она почти кричит. – Не ври! Не надо нас успокаивать, будто всё нормально! Папа ушёл! Он нас бросил! Выбрал их! Так мы ему важны?!

Её слова, как нож в сердце, безжалостные, но правдивые, потому что всё именно так — он ушёл. Я хочу сказать, что он всё равно любит их, что все равно будет приходить, что не забывает о них, но слова не выходят.

Смотрю на своих детей, и мне хочется сказать что-то, что сделает им легче. Но я не могу. Потому что правда в том, что легче не будет.

Я медленно, будто каждое движение дается с трудом, подхожу к Маше, но, едва я пытаюсь взять её за руку, она тут же отдёргивает ее, резко, словно от удара.

– Mam, зачем ты терпела это? Почему не выгнала его раньше? Ты же знала!

В её голосе не просто злость — в нём отчаяние, то, чего я так боялась, то, что всегда откладывала, надеясь, что если я не скажу об этом вслух, то оно исчезнет. Но оно не исчезло, оно было здесь всё это время, тлело, накапливалось, копилось внутри, пока не взорвалось, пока не выплеснулось на меня в одном единственном вопросе, на который я не знаю, как ответить, потому что каждое слово, которое я могла бы сказать, звучит как оправдание.

Я чувствую, как что-то внутри меня ломается, будто последний кусок стены, которую я столько лет строила, чтобы держаться, чтобы не упасть, теперь трескается и рассыпается пеплом.

– Потому что я надеялась, что всё можно исправить, – говорю я, и мой голос звучит глухо, пусто, безжизненно. – Я хотела, чтобы вы не росли без отца.

Маша качает головой, медленно, будто не верит мне, будто мои слова ничего не значат, её глаза блестят от слёз, но она не плачет, сжимает губы, цепляется за злость, потому что злиться проще, чем плакать.

– Конечно, – фыркает она. – Да ты просто боялась остаться одна.

Тишина. Долгая, давящая, убийственная. Я не знаю, как ответить. Она права? Возможно.

Я столько лет пыталась удержать семью, выжимая из себя последние силы, придумывая оправдания, цепляясь за слова, за крошечные моменты, когда казалось, что всё ещё можно спасти, когда Сергей ещё улыбался детям, когда он ещё приходил домой не слишком поздно, когда он просто сидел рядом, молчал, но был, и мне этого хватало. Я не замечала, что держала не семью, а иллюзию, фантом, который я сама себе нарисовала, надеясь, что если я буду держаться крепче, то он тоже захочет держаться. Но он не захотел.

Дима стоит рядом, опустив голову, он смотрит в пол, в одну точку, как будто пытается справиться с чем-то внутри себя, что-то понять, что-то осознать, но не может, и от этого его плечи слегка дрожат.

– Значит, он больше нас не любит, да? – едва слышно спрашивает сын.

Слёзы подступают к горлу, но я не могу дать им вырваться, не могу плакать сейчас, не могу позволить себе слабость.

– Любит, Дим, – отвечаю я, но сама слышу, как неуверенно звучит мой голос. – Как может не любить? Вы же его дети. Просто... сейчас такой период, когда он отдалился.

Маша сжимает губы, её плечи подрагивают, она стоит, выпрямив спину.

– Я ненавижу его, – выпаливает она с не детской злостью.

И мне сложно осуждать или сердиться на нее в этот момент.

– Не говори так, – прошу я, но даже мне кажется, что это звучит неубедительно.

– А почему нет? – её голос звенит от гнева, глаза сверкают, как будто внутри всё горит.

– Он нас предал! Он... он просто взял и ушёл! К той, другой! К тому ребёнку! Значит, мы ему просто... мешали?!

– Нет, нет... – я тянусь к ней, но она отступает, и этот шаг назад причиняет мне боль, такую физическую, такую настоящую, что я даже не могу вдохнуть.

– Хватит защищать его, мама! – её голос срывается, она делает ещё шаг назад, как будто хочет отгородиться не только от меня, но и от этой реальности, в которой её отец выбрал кого-то другого, не её, не нас. – Он нам больше никто!

И эти слова разрывают меня на куски, на мельчайшие частицы, которые уже не собрать, потому что я знаю — это правда.

– Что теперь будет? – вдруг спрашивает Дима, его голос всё такой же тихий, но в нём больше не осталось детской веры в то, что родители всегда будут рядом, что папа всегда придёт и всё исправит.

Я провожу рукой по лицу, пытаюсь избавиться от кома в горле, пытаюсь заставить себя говорить, заставить себя быть сильной, потому что они смотрят на меня, ждут ответа, и я не имею права сломаться, не имею права показать, как сильно мне самой страшно.

– Теперь мы будем жить дальше. Без него. Мы справимся.

Дима кивает, медленно, словно взвешивает мои слова, но я вижу, что в его глазах боль, даже если он не хочет её показывать. Он не кричит, как Маша, не выражает эмоции так ярко, он просто прячет их внутрь, и это пугает меня ещё больше, потому что я знаю, что однажды они вырвутся наружу, когда я меньше всего буду к этому готова.

– Надеюсь, я больше его не увижу, – твёрдо говорит Маша, и в её голосе столько решимости, столько гнева, что я даже не знаю, можно ли её переубедить.

Что-то мне подсказывает, что её обида не пройдёт так быстро. Она будет гореть внутри неё долго, годами, разрастаться, превращаться в боль, в ненависть, в разочарование, которое однажды, возможно, не оставит в её сердце ни капли места для прощения.

И это страшит меня больше всего.

– Маша... – начинаю я, но она тут же перебивает меня.

– Нет, мама! Всё! Он для меня умер!

Вздрагиваю, но молчу, потому что знаю: если начну сейчас говорить, то просто расплачусь. Да и она не в том состоянии, когда сможет меня услышать.

Я провожу ладонями по лицу, закрываю глаза, пытаюсь выровнять дыхание, но внутри всё сжимается от осознания того, что мне придётся не только собирать себя по кускам, но и удерживать их, наших детей, от того, чтобы их боль не превратилась в ненависть, чтобы они не сломались окончательно.

– И для меня, – уверенно кивает Дима, и его голос звучит так тихо, так пусто, что мне хочется закричать, встряхнуть его, но я не могу.

Соня вдруг дёргает меня за рукав, её маленькое личико искажено беспокойством, губы дрожат, а глаза наполнены тревогой. Мы так шумели, что разбудили ее.

– Ма-а? – её голос тонкий, настороженный.

Что-то холодное расползается внутри меня, но я не могу резко переключиться, сделать вид, что все хорошо. Не сейчас.

– Все хорошо, солнышко. Мы не ругаемся... – мой голос звучит так, будто я говорю через ватный ком в горле.

Она моргает, её пальцы стискивают мою кофту ещё крепче, взгляд становится испуганным, губы дрожат, а потом она вдруг начинает раскачиваться, тихонько постанывая, её дыхание сбивается, и я понимаю — начинается.

Приступ.

– Соня, милая, всё хорошо, всё хорошо... – я приседаю перед ней, пытаюсь обнять, но она отталкивает мои руки, и я знаю, что не нужно давить, нужно дать ей время, дать ей пространство, но внутри меня всё сжимается от бессилия.

Дима и Маша замолкают, наблюдая за тем, как Соня сжимает голову руками, качается, постанывая всё громче, её тело дрожит, напряжённость нарастает, и я знаю, что ещё немного — и она начнёт кричать, размахивать руками, стучать ногами, биться в истерике, потому что её мир рушится, её привычный порядок сломан.

Делаю глубокий вдох, закрываю глаза на мгновение, а потом снова смотрю на своих детей. Я совсем одна...

Соня раскачивается всё сильнее, её дыхание сбивается, руки сжимаются в кулаки, она тихо постанывает, и я знаю — ещё немного, и она закричит, и тогда её уже будет не остановить.

И в этот момент раздаётся звонок в дверь. Резкий, громкий, он прорезает напряжённую тишину комнаты, и я вздрагиваю.

Дима поднимает голову, Маша хмурится, а Соня вздрагивает, замирает на секунду, но потом её раскачивания становятся ещё сильнее.

Входная дверь резко распахивается. Дети просто не закрыли ее на замок, когда пришли.

И я вижу на пороге Сергея.

Глава 10

Сергей

Стою перед дверью в нашу квартиру, и чувствую, как внутри всё сжимается от какого-то странного, липкого беспокойства. В голове шум, мысли спутаны, усталость давит на плечи, но что-то, что жгло меня изнутри всю дорогу сюда, не даёт развернуться и уйти. Я вспомнил, что сегодня должен был забрать детей из школы. Автоматически, как сработавший сигнал тревоги, который раньше никогда не звучал в моей голове так громко.

Я хотел позвонить, сказать, что не успеваю, что опять работа, что опять что-то важное, но не успел. Или, если быть честным, не захотел.

А потом поймал себя на мысли, что не видел их уже несколько дней. Даже не помню, какой у Маши сейчас новый предмет в школе или когда у Димы следующий матч. Я ведь должен был быть с ними, а не где-то ещё, должен был сидеть с ними за столом, слушать их разговоры, видеть, как Соня раскачивается в своём привычном ритме, как Дима закатывает глаза на Машины нравоучения... но я не был. Я был в другой квартире, с другой женщиной, с чужим ребёнком, которого учил кататься на велосипеде, потому что Марина смотрела на меня с восхищением, которого я давно не видел в Мирином взгляде.

И вот, наступает момент, когда дверь распаивается. Я сразу встречаю её взгляд.

Мира сидит на корточках, сжав губы, её лицо напряжено, в глазах нет ни удивления, ни облегчения — только враждебность, холодная, острая, такая, что мне на секунду хочется шагнуть назад.

В ее объятьях Соня. Она качается вперёд-назад, вперёд-назад. Её маленькие руки сжаты в кулаки, пальцы скрючены, дыхание сбивчивое.

А потом она начинает кричать. Этот звук — пронзительный, рвущий воздух, заполняющий собой всё, такой, что на мгновение закладывает уши.

Я делаю шаг вперёд, но Мира тут же подхватывает Соню на руки, прижимает её к себе, поворачивается и уходит внутрь, не бросив мне ни слова.

Застываю на пороге, как чужак в собственном доме. Слышу, как за дверью она тихо шепчет Соне, как её голос наполнен усталостью, но не злостью. Дочь задыхается от рыданий, её плач тянется нитями, тонкими, болезненными, мне хочется шагнуть за порог, взять её на руки, сказать, что всё в порядке, но мне не дают шанса.

Я поворачиваю голову и встречаюсь взглядом с Димой и Машей. Они стоят в коридоре, все ещё в школьной форме, и я сразу понимаю — здесь меня точно не ждали.

В их взглядах нет тепла, нет радости, даже удивления нет. Только гнев и... что-то ещё. Разочарование.

— Ты чего сюда приперся? — колючим голосом бросает Маша, сложив руки на груди.

Я медленно провожу рукой по лицу, выдыхая.

— Как чего? Я должен был вас забрать.

— Да ну? — она усмехается, но в этой усмешке нет веселья, только горечь, какая-то взрослая, пронзительная. — А я думала, ты слишком занят. Занят своей новой жизнью. Той... женщиной.

Сжимаю челюсти. Что-то внутри напрягается, вспыхивает злость, не на неё, а на сам факт того, что она сказала это так легко, так просто, без истерики, без крика, будто уже давно приняла этот факт.

— Кто тебе это сказал?

— Никто. Я сама видела.

Моргаю, не сразу понимая смысл её слов, но в груди уже поднимается тяжёлый, тянущий ком тревоги.

– Что?

– Ты вообще жёстко палишься, пап, – Маша пожимает плечами. – Мог бы хотя бы оглядываться по сторонам, когда с ней по магазинам шарисься. А то вдруг *твои дети* увидят, как ты новую семейку нагулял. Кстати, вы неплохо смотрите вместе. Прямо классическая идиллия.

Она говорит спокойно, даже слишком, но я слышу, как срывается её голос на последней фразе, как её руки дрожат, как сжимает она губы, словно пытается удержать всю боль внутри, не дать ей вырваться наружу, не дать мне увидеть, насколько ей плохо.

Я сглатываю, чувствуя, как внутри меня что-то трескается.

– Маша...

– Не надо! – перебивает она, отступая на шаг. – Ты реально думал, что можешь просто прийти сюда и сделать вид, что ничего не изменилось? Что мы будем тебя тут радостно встречать, как в каком-то дебильном фильме?

Она смотрит на меня взглядом, в котором нет больше ни надежды, ни ожидания, только усталость и пустота, как будто всё, что она могла чувствовать ко мне, давно выгорело, оставив только тлеющие угли злости.

Чувствую, как внутри поднимается гнев, но не на неё, не на Мирину вечную холодность, не на ситуацию, в которую я сам себя загнал. Я злюсь на то, что не могу найти слов, на то, что в глазах своих детей я теперь чужой.

– Ваша мать просто настроила вас против меня!

– Ага, конечно, – она смеётся, но этот смех колючий, едкий, в нём больше боли, чем во всех её словах вместе взятых. – Мама вообще молчала, если что! Это мы заставили ее сказать правду! Потому что нас, в отличие от тебя, не устраивает жить во лжи!

Я перевожу взгляд на Диму. Он молчит, но у него такое лицо, будто он сейчас либо взорвется, либо просто сбежит.

– Дим, ну ты же понимаешь...

– Что? – его голос дрожит, но он смотрит мне прямо в глаза, и в этом взгляде нет больше мальчишеской веры в родителя, нет больше того доверия, которое когда-то казалось нерушимым. – Что ты нас не кинул? Что ты просто... бросил? Или что-то ещё? Как это объяснить, пап? Нам реально интересно.

Я сжимаю челюсти, внутри всё кипит, но этот гнев — от бессилия.

– Вы ещё дети, вы ничего не понимаете... Жизнь сложнее, чем вам кажется.

– А, ну да, конечно? – Маша качает головой, в её глазах мелькает презрение. – Сложно — это когда ты засыпаешь и думаешь: а был ли у тебя вообще отец, или это все приснилось? Сложно — это когда мама ночью ревет в подушку, а потом делает вид, что все норм. Сложно — это когда Соня боится спать одна, потому что все вокруг стало по-другому. А тебе было не сложно, не ври, тебе было удобно. Ты просто ушел.

Стискиваю зубы, кулаки сжимаются ещё крепче.

– Я вас люблю, – наконец выдыхаю я, но слова звучат слабо, они бессмысленные, не имеют той силы, какой имели раньше.

Они больше в них не верят.

– Нет, – Дима качает головой. – Любил бы — не ушёл бы.

И уходит в комнату, хлопнув дверью.

Я остаюсь стоять, окружённый тишиной, в которой больше нет для меня места. За дверью спальни слышно, как Мира успокаивает Соню, её голос тихий, срывающийся от усталости. Я вдруг понимаю, что если сейчас развернусь и уйду, если позволю этой двери захлопнуться передо мной, то это будет точка. Не запятая, не пауза. Конец.

Но, возможно, он уже наступил. Возможно, они больше не пустят меня обратно. Возможно, я уже потерял их окончательно.

Ещё несколько секунд стою в этом коридоре, вглядываясь в закрытую дверь комнаты Димы, в напряжённое лицо Маши, в ту холодную тишину, которая с каждым мгновением становится всё гуще, тяжелее, давит на плечи, не давая дышать. За стеной всё ещё слышен приглушённый голос Миры, она тихо, едва слышно уговаривает Соню, успокаивает, и я знаю, что её слова сейчас похожи на ласковое укачивание, как всегда, когда у дочери начинается приступ.

А я стою здесь, как чужой, как человек, которому больше не место в этой квартире.

Я должен был бороться. Должен был остаться, не дать им вычеркнуть меня из их жизни. Но меня уже вычеркнули.

Разворачиваюсь и выхожу. На улице холодный воздух обжигает лицо, и я машинально втягиваю его в лёгкие, пытаюсь избавиться от ощущения, что меня только что вышвырнули из моего собственного дома. Но ведь я ушёл сам, не так ли? Я ведь сам выбрал, где мне быть, кого обнимать, в чьих глазах искать понимание.

Завожу машину и трогаюсь с места, но не еду в офис, как собирался. Работы сейчас не существует, её нет в этом мире, где в моей голове до сих пор звучит Машин голос: *"Ты просто ушёл"*.

Я еду туда, где меня ждут.

Как только я подъезжаю, Марина уже открывает дверь, будто чувствовала, что я приеду, будто стояла у порога, ожидая меня, готовая снова впустить в свой уютный мир, где нет ни криков, ни упрёков, ни разочарованных детских взглядов.

– Сережа! – её голос тёплый, радостный, глаза сияют так, как никогда не сияли у Миры в последние годы. Она тянется ко мне, целует в щёку, пахнет ванилью и чем-то сладким, её тонкий халат чуть приспущен, волосы мягко ложатся на плечи.

Она красивая. Ухоженная. Лёгкая. Совсем не такая, как Мира.

– Ты рано, – улыбается она, ведя меня в квартиру.

– На работе завал, решил сделать перерыв, – бросаю я, проходя внутрь.

Как только захопываю за собой дверь, сразу чувствую какое-то странное, липкое ощущение. Здесь неуютно.

В воздухе пахнет чем-то пережаренным, в гостиной валяются игрушки, на столе открытые упаковки сока, пустые тарелки, детские носки, крошки от печенья. Телевизор включён на полную громкость, экран заполняют разноцветные персонажи мультфильма, и я замечаю, что Никитка сидит перед ним, не отрываясь, полностью погружённый в этот мир, будто ничего другого вокруг просто не существует.

– Сынок, скажи "Привет" Серёже, – Марина мягко трогает его за плечо, но он даже не поворачивается, просто моргает, продолжая пялиться в экран.

– Он опять весь день перед телевизором? – спрашиваю я, оглядываясь.

Марина сразу начинает оправдываться, её голос мягкий, лёгкий. Она улыбается, но я вижу, что ей самой не очень-то удобно.

– Ну, он не в садике... Мы сегодня не успели, проспали, да и он был капризный, не хотела его заставлять, а мультики ведь не страшное дело, верно?

Я молчу.

– Ты, наверное, голодный? – она торопливо уходит на кухню, открывает холодильник, вытаскивает контейнеры, ставит на плиту сковородку.

Сажусь за стол и смотрю, как она возится с едой.

– Я тут попробовала новое блюдо. Острая лапша с курицей, корейский рецепт, представляешь? Сейчас разогрею, тебе понравится.

Я не отвечаю, просто молча наблюдаю, как она спешит, как будто ей нужно доказать, что она хорошая хозяйка.

Через несколько минут передо мной оказывается тарелка. Лапша. Пережаренная, слипшаяся, плавающая в каком-то оранжевом соусе, запах резкий, даже слишком.

Я беру вилку, накручиваю на неё немного, пробую. Острое. Жёсткое. Пересоленное. Не в силах себя мучить, отставляю тарелку.

– Ну как? Вкусно? – она смотрит на меня с ожиданием, с лёгкой тревогой в глазах.

– Да. Просто я не особо голоден.

Марина тут же отводит взгляд, кивает, убирает тарелку, но я вижу, что ей неприятно.

– Ты устал? – спрашивает она, садясь напротив.

– Да.

Но на самом деле я не устал.

Чувствую, как внутри меня что-то медленно, но неумолимо сжимается. Я смотрю на Никитку, который всё так же сидит перед телевизором, смотрю на игрушки, разбросанные по полу, на крошки на столе, на тарелку с недоеденной лапшой, на Марину, которая кажется растерянной, будто сама не понимает, что делать дальше.

И перед глазами встаёт совсем другая картинка. Мира. На кухне, где всегда прибрано, даже если Соня устроила истерику и день пошёл наперекосяк.

Горячий борщ, который пахнет лавровым листом и чесноком, который всегда насыщенный, густой, домашний.

Дима, который делает уроки за столом, искоса поглядывая на Машу, которая притворяется, что ей всё равно, но в итоге всегда помогает.

Соня, которая кружится в своём мире, но всё равно часть их общей картины.

Дом.

А я здесь. С Мариной, которая не может толком накормить ребёнка нормальной едой, с квартирой, в которой нет порядка, с Никиткой, который зависает перед телевизором, потому что маме проще так, чем объяснять ему что-то или играть с ним.

Я играю с ним, беру в руки машинку, катаю её по полу, а в голове совсем другие воспоминания.

Я вижу Диму. Вижу, как мы с ним строим гараж из конструктора, как он смотрит на меня глазами, полными уважения, как смеётся, радуясь, когда у нас получается что-то крутое.

Вижу Машу, которая упрямо отказывается от помощи, но всё равно приходит ко мне вечером и говорит, что у неё проблема, и я чувствую, что нужен ей.

Вижу Соню, которая обнимает меня перед сном, уткнувшись в плечо, потому что ей важно, чтобы всё было привычно, стабильно.

Я моргаю и снова вижу Никитку. Он не мой. Я играю с ним, но это не то. Я больше не знаю, где моё место.

Но знаю, что там, за закрытой дверью, в квартире, где меня больше не ждут, где мои дети больше не верят мне, где Мира смотрит на меня не с обидой, а с окончательной пустотой, там я оставил нечто гораздо большее, чем просто семью.

Я оставил себя.

И если они меня действительно ненавидят... то, может, я это заслужил.

Глава 11

Я не слышу, когда уходит Сережа, полностью занятая дочерью. Лишь чуть позже у меня появляется время, чтобы обдумать его тихий приход.

Зачем он сюда явился? Хотел что-то доказать? Показать, что не так плох, как есть на самом деле? Но тогда почему не остался? Или же... Не знаю, даже в моей голове с трудом находились объяснения.

Главное, что я больше не плачу по этому поводу. Не кричу. Не злюсь. В этом всем нет никакого смысла. Изменить то, чтобы было, уже нельзя.

Я просто ощущаю себя выжатой. Как будто все эмоции вытекли из меня, оставив только пустую оболочку. Будто внутри ничего не осталось, кроме усталости и осознания, что назад дороги нет.

Выдыхаю, медленно провожу рукой по лицу, словно пытаюсь стереть все следы этого вечера. Но от боли нельзя избавиться, как от грязи на коже, она уже впиталась в меня, просочилась под рёбра.

Выхожу из комнаты за стаканом воды и возвращаюсь обратно, попутно отмечая настроение в доме.

Дима заперся у себя, Маша сидит на кухне, уставившись в телефон, её пальцы нервно сжимают край рукава. Соня, наконец, успокоилась и теперь тихо водит пальчиком по картинкам в книге, шепча что-то себе под нос.

Я сажусь рядом, осторожно провожу рукой по её волосам.

– Солнышко, всё хорошо, я рядом, – шепчу, хотя сама не верю в эти слова.

Она не реагирует, на данный момент её мир — это странички книги, знакомые движения пальцев, ритм, который не нарушается.

Вздыхаю и закрываю глаза. Я одна. Теперь всё на мне. И у меня есть только один путь — вперёд.

Ночью, когда в квартире наступает напряжённая тишина, а воздух ещё пропитан остатками чужих слов, я сижу на кухне с чашкой крепкого чая.

Не чувствую ни вкуса, ни тепла. Только осознание — мне срочно нужно найти работу.

Я всегда зависела от Сергея. Это был его дом. Его деньги. Его оплата за Сонюны занятия. Всё, что у нас было, строилось на том, что он приносил деньги, а я держала семью на плаву.

Теперь мне нужно самой держать этот корабль. Оплачивать счета, дополнительные расходы. Кормить детей. Не сломаться.

Я включаю ноутбук, захожу на сайты с вакансиями. Листаю. Администратор — нужна полная занятость. Отпадает.

Офис-менеджер — график с девяти до шести. А с кем тогда оставить Соню? Нет.

Продавец — выходные по сменам. Не подходит.

Мне нужно что-то, что можно делать из дома. Соня — это круглосуточная ответственность, и даже если мне удастся уладить с ней день, ночи останутся. Значит, нужно искать работу ночью.

Я всё листаю, листаю и листаю... И вдруг взгляд выхватывает объявление.

Оператор колл-центра, удалённо. Ставка небольшая. Ночные смены.

Замираю. Это значит, что я смогу работать, пока дети спят, а днём — заниматься Соней. Будет тяжело. Даже очень, но что меня пугает после всего, что я пережила?

Тут же отправляю резюме, даже не раздумывая.

Проходит пара часов, когда телефон вдруг оживает. Я вздрагиваю, на мгновение замираю, а потом отвечаю.

– Здравствуйте! Вы оставляли заявку на вакансию оператора. Мы готовы принять вас на ближайшую смену. Готовы выйти сегодня ночью?

Я закрываю глаза. Отдыха больше не будет.

– Да, – отзываюсь ровным тоном. – Готова.

Сажусь на кухне, уставившись в экран ноутбука, и понимаю, что мой мир теперь разделён на до и после. Вчера я ещё была женщиной, которая ждала подачек мужа, надеялась, что всё утрясётся, а сегодня — той, кому никто не поможет. Той, кто должна сама зарабатывать, сама вытягивать детей, сама разбираться с этим проклятым разводом и бегать по инстанциям, пока Соня капризничает, а Маша делает вид, что ей всё равно.

Следующим утром я варю кашу на завтрак, собираю Диму в школу, проверяю Машину форму и понимаю, что единственный шанс хоть немного не сойти с ума — это подстраховаться и найти ещё одну работу. Вдруг с первой не получится?

Захожу в домовый чат — привычный бардак сообщений, где одни жалуются на грязный лифт, а другие возмущаются, почему кто-то паркуется не там. Я уже собираюсь закрыть его, когда глаза цепляются за объявление:

"Требуется уборщица в наш дом. Оплата сразу, график свободный."

Я не раз видела этих женщин с ведром и тряпками, проходила мимо, не задумываясь, а теперь сижу, смотрю на экран и думаю, что могу мыть подъезды. Это проще, чем ждать, пока Сергей одумается и начнёт выделять для детей хоть какие-то финансы. Это лучше, чем снова занимать деньги у Лиды, у которой и так хватает забот.

Набираю номер, сердце стучит, но голос в трубке спокойный, деловой, безразличный:

– Да, уборщица нужна, вы хотите попробовать?

– Когда можно выйти?

– Хоть завтра. Раз в два дня, вам удобно?

Я представляю: ночью — колл-центр, утром — ведро и тряпка, день — Соня, школа, уроки, готовка, и снова ночь.

Мне неудобно, скорее — невыносимо. Но я просто соглашаюсь.

Полночь. Я сижу за столом, в наушниках раздаётся первый звонок, и мужчина на том конце провода уже орёт в трубку, будто я лично отрубила ему интернет.

– Какого хрена у меня не работает роутер?!

Я закрываю глаза, выдыхаю, открываю систему и говорю ровным голосом, хотя внутри хочется просто закрыть ноутбук и уйти спать:

– Сейчас проверим, пожалуйста, оставайтесь на линии.

Мой первый клиент. Первый из сотен, кто будет кричать, ругаться, требовать. Но я выдержу. Я должна.

Часы показывают 5:00, когда я, еле сгибая ноги, выключаю ноутбук, тру виски и понимаю, что не чувствую ни спину, ни руки, ни лица.

Хватаю ведро, тряпку, спускаюсь вниз и, пока город ещё спит, начинаю первую смену в качестве уборщицы.

Неделя тянется, как вязкая, тяжёлая трясина, и чем дальше, тем глубже я в неё погружаюсь, будто кто-то схватил меня за ноги и тащит вниз, не давая вынырнуть, вдохнуть, хотя бы на секунду перестать бороться. Ночи сливаются в один непрерывный поток входящих звонков, раздражённых голосов, требований, ругани, обвинений, и я, слушая всё это, говорю ровным голосом: «Сейчас проверим, оставайтесь на линии». Хотя мне хочется просто сорвать гарнитуру с головы, закричать в трубку, сказать, что у меня самой жизнь разваливается, что я не спала уже чёрт знает сколько дней, что у меня нет сил. Но никому это не важно, потому что

я просто безликий голос в телефоне, и для клиентов это всего лишь работа.. А для меня — выживание.

Заканчивается смена, я выключаю ноутбук, на автомате надеваю куртку, хватаю ведро с тряпкой и спускаюсь вниз, где подъезды ждут, чтобы их вымыли. И вот уже мои руки скользят по холодному кафелю, вода скапливается в мутных разводах. И пока я тру лестницу, внизу кто-то нетерпеливо шаркает ногами, ожидая, пока я освобожу проход. Кто-то из соседей кивает мне с улыбкой, кто-то делает вид, что не замечает, проходя мимо, как будто я стала частью этого здания, словно не человек, а просто очередной элемент обслуживающего персонала. Но мне плевать. Потому что я не думаю ни о ком и ни о чём, кроме того, как не свалиться от усталости прямо здесь, между этажами. Не закрыть глаза, не заснуть, потому что если я дам себе слабину, то уже не встану.

Днём всё закручивается в привычный хаос — Соня, её занятия, срывы, которые мне уже не под силу купировать так, как раньше, потому что нервы натянуты до предела. Маша, которая ведёт себя спокойно, но слишком часто молчит, а от этой её тишины мне хочется закричать. Дима, который спрашивает, когда я смогу прийти на его тренировку, а я в очередной раз не знаю, что ему ответить, потому что я вся в работе, в быте, в постоянном ощущении, что еще чуть-чуть, и я упаду без сил.

На автомате открываю сайт суда, ищу список документов, которые нужны для развода, и в голове пульсирует одно — я должна сделать это быстрее, чтобы наконец получить пособие, чтобы требовать алименты. Потому что пока мы с Сергеем в браке, государство считает нас полной семьёй. Считает, что я могу жить на его зарплату, которая мне больше не принадлежит, а значит, я должна тянуть всё одна, пока он где-то там устраивает себе новую жизнь.

Я прихожу в МФЦ, беру талон, сажусь на диванчик, закрываю глаза, но тут же открываю их снова, потому что боюсь, что если задремлю, то не услышу свою очередь, потому что сон сейчас — это роскошь, а мне нельзя роскоши, мне нужно успеть всё, мне нужно выйти из этой проклятой ямы, в которую я угодила.

Слышу свой номер и подхожу к окошку. Кладу на стол собранные бумаги, чувствую, как сотрудница скользит по ним взглядом. Затем поднимает глаза на меня и на мгновение задерживается, будто считывает, сколько усталости у меня на лице и бессонных ночей у меня за спиной. В её взгляде мелькает что-то похожее на сочувствие.

– Вы уверены?

Я смотрю на неё и понимаю, что никаких сомнений не осталось.

– Абсолютно.

Она кивает, ставит штамп, и вот она — ещё одна точка в истории. Финальный шаг. Дверь, за которой нет возврата.

Через месяц мы больше не будем мужем и женой. И я очень надеюсь, что Сергей не будет вставлять палки в колеса, а сделает все цивилизованно.

Выхожу на улицу, щурясь от яркого дневного света, от которого режет глаза, чувствую, как наваливается усталость, накатывает тяжёлой волной. Хочется сесть прямо здесь, на лавку, закрыть глаза и просто забыться, хотя бы на пару часов отключиться от всего. Но я знаю, что этого не будет, потому что день только начался, меня ждёт Соня, а вечером снова смена.

За это время Сергей ни разу не звонит. Не пишет. Не появляется в доме. Он просто исчез.

Для нас — для своих детей, той семьи, которую он когда-то называл самым главным в жизни — он словно испарился, будто этих двадцати лет не было, будто Маша, Дима и Соня для него — не кровь и не плоть, а просто прошлый этап, который можно оставить позади, как надоевшую историю.

Не знаю, что он сказал себе, чтобы оправдать это. Может, он убедил себя, что я сильная, справлюсь, что дети не так уж в нём нуждаются, что они сами когда-нибудь поймут его выбор.

Или думает, что они привыкнут, что примут, что это не его ответственность — как они переживут его уход.

Но я знаю одно. Это — точка.

Не измена. Не то, что он жил двойной жизнью. Не его желание быть с другой женщиной. А именно его наплевательское отношение к нам.

Я, наверное, смогла бы простить, как-то это принять, если бы Сергей хоть раз за эту неделю пришёл и нормально объяснился, постарался бы быть хорошим отцом, осознав свои ошибки. Хотя бы попытался бы что-то изменить. Но он просто оставил нас.

Я не хочу его ненавидеть, но где-то глубоко внутри ненависть всё-таки растёт.

Каждый день, когда я засыпаю на ходу, едва переставляя ноги, когда работаю ночами, а утром беру ведро и тряпку, когда считаю деньги и понимаю, что без Лиды мы бы уже не могли даже поесть, — эта ненависть произрастает, как сорняк.

Сергей знал, что у меня нет никакой финансовой подушки, нет запаса денег. Что я всегда занималась детьми, потому что так было нужно, потому что он работал, а я держала семью. Он знал, что после его ухода у нас ничего не останется.

Но даже это его не остановило.

Глядя на банковское приложение, на цифры, которые уменьшаются, меня накрывает волной злости, тяжёлой, разрывающей.

Если бы не Лида и её деньги, которые мне всё равно придётся отдавать, мы бы уже пропали.

Может, именно этого Сергей и ждал? Чтобы я сломалась, чтобы сама позвонила, попросила его вернуться, признала, что не справляюсь?

Сжимаю кулаки.

Нет.

Я справлюсь. Без него. Вопреки ему.

Глава 12

Сергей

Я жду звонка от Миры, будучи уверенным, что она не справится.

Мира всегда была сильной, но не настолько. Не для такой жизни. Она никогда не работала, не зарабатывала сама, потому что это был мой долг — обеспечивать семью. А её — держать дом, заботиться о детях, о порядке, о быте, о том, чтобы всё работало, как часы. Она привыкла, что деньги есть, что счета оплачены, что холодильник заполнен. У неё никогда не было реального понимания, каково это — тянуть всё одной.

Потому что всё это время рядом был я.

Я приносил деньги, бытосной, на которой держался дом. Вся эта устоявшаяся система, когда я ушёл, должна была рухнуть.

Был уверен, что она позвонит.

Что через день, два, три, неделю максимум, когда деньги закончатся, когда ей нечем будет заплатить за Сонины занятия, когда станет по-настоящему тяжело, она осознает, что без меня не выживет, наберёт мой номер, и в её голосе будет усталость, растерянность, просьба.

Она скажет, что нам нужно поговорить. Наконец-то признает тот факт, что я важен и нужен ей.

Но проходит неделя. А Мира по-прежнему молчит.

Я смотрю на телефон каждый день, просматриваю последние звонки, ловлю себя на том, что жду её имени на экране, на секунду даже кажется, что вибрирует телефон, но когда проверяю — ничего.

Мира не звонит. А сам я набирать не хочу. Да и зачем? Выгнала — пусть сама справляется.

Но отчего-то я все равно упорно жду. И начинаю злиться на неё. На упрямство Миры, на её чертову гордость. На то, что она всё ещё не сдалась, хотя уже должна была.

Она ведь всегда зависела от меня. Так почему сейчас ведёт себя так, будто я ей не нужен? Что, если...

Я останавливаю себя. Не может быть. Но что-то внутри начинает грызть меня.

Марина же за это время меняется. Или, может, я просто начинаю видеть её настоящей?

Сначала всё было легко. Улыбки, нежность, тёплый взгляд, в котором я видел восхищение. Рядом с ней я чувствовал себя мужчиной — не просто добытчиком, не частью уставшего семейного механизма, не вечным виноватым, который «устал», «не помогает», «слишком холоден». С Мариной было иначе — она не требовала, не грузила, не упрекала, просто принимала меня таким, какой я есть.

Но со временем эта лёгкость куда-то исчезает.

Я начинаю слишком заикливаться на мелочах. Дом не прибран, хотя у неё только один ребёнок, а не трое, как у Миры. Грязная посуда в раковине, на полу разбросаны игрушки, кое-где пятна от сока. Телевизор орёт без остановки, потому что Никитка с утра до вечера сидит перед экраном, уставившись в бесконечные мультики.

Я прохожу в кухню — там бардак. Стол завален какими-то бумажками, упаковками из-под печенья, на плите ничего нет. Запах еды тоже отсутствует, вместо него в воздухе чувствуется затхлая смесь духов, сигаретного дыма с балкона и чего-то сладкого, липкого, застарелого.

Марина сидит на диване, закинув ноги на подлокотник, уткнувшись в телефон. Её взгляд ленивый, рассеянный, пальцы медленно пролистывают экран.

Войдя в зал, смотрю на неё секунду, потом снова в сторону кухни, на Никитку, который сидит в пижаме, хотя уже вечер.

– Ты же дома весь день, – говорю я, проходя вглубь гостиной. – Почему не приготовила ничего?

Она моргает, как будто только сейчас замечает меня, словно я — просто ещё один раздражающий фактор, отвлекающий её от экрана.

– Я устала.

– От чего? – я хмурюсь.

– Серёж, я тоже устаю, – она закатывает глаза, раздражённо морща нос, – у меня ребёнок, я не могу стоять у плиты целый день! Посмотри в холодильнике, там вчерашние макароны должны были остаться.

Я бросаю взгляд на Никитку. Он даже не двигается, только сидит, уставившись в экран, рядом с ним валяются крошки от печенья, фантики, наполовину выпитый пакетик сока.

– Он хотя бы ел что-то нормальное?

Марина тяжело вздыхает, словно я снова начинаю её грузить какими-то претензиями.

– Конечно, ел. Я ему утром кашу заварила, потом перекус. Макароны он не стал есть.

– То есть нормального обеда у него не было?

Её раздражение нарастает.

– Серёж, ты серьёзно? Ты за этим пришёл? Или ты просто устал после работы и ищешь, к чему придраться?

Я сжимаю зубы.

– Я устал, потому что работаю.

– А я, значит, целый день ничего не делаю?

Не отвечаю сразу. Снова иду в кухню, открываю холодильник, осматриваю его содержимое. Почти пусто. Половина бутылки сока. Прокисшее молоко. Сыр, которому, похоже, уже недели две. Баночка йогурта. Ну и те самые макароны, за сутки превратившиеся в слипшееся нечто.

– Марин, а тебе не кажется, что если я работаю и обеспечиваю нас, то можно хотя бы что-то приготовить к ужину? – оставив холодильник в покое, застываю в коридоре, прислонившись к косяку. – Свежее.

Марина резко встаёт с дивана, хлопает ладонями по коленям, как будто пытается взять себя в руки, но я уже вижу по её глазам, что внутри неё закипает раздражение.

– Ты же понимаешь, что я не твоя жена, Серёж, чтобы обслуживать тебя по первому твоему приказу? – её голос звучит мягко, но в этой мягкости скользит что-то острое, почти холодное. – Вот когда стану — тогда и сможешь предъявлять претензии.

Она улыбается, но эта улыбка больше похожа на предупреждение.

– Серьёзно? – я усмехаюсь, но внутри поднимается неприятное чувство.

Марина тут же меняется, смягчаясь, подходит ближе, обхватывает меня руками за шею, проводит пальцами по вороту рубашки, медленно расстёгивая верхнюю пуговицу.

– Ну, Серёж, не начинай, – мурлычет она, наклоняясь ближе, так, что я чувствую запах её духов. – Ты устал, я вижу. Давай, иди в душ, расслабься, а я пока закажу нам что-нибудь вкусненькое. Хочешь суши? Или шашлыки?

Она скользит ладонями по моей груди, чуть прижимается, давая понять, что на этом наш разговор должен закончиться.

– А потом... – она улыбается, смотрит на меня снизу вверх, в глазах тёплый намёк. — Потом мы закроемся в спальне, и я сделаю так, чтобы ты точно не жаловался.

Я чувствую, как её пальцы скользят по моей руке, как она уже тянет меня в сторону ванной, но что-то внутри меня ломается.

Останавливаюсь, убираю её ладони, отступаю на шаг.

– А Никита?

Марина моргает, нахмурившись.

– Что Никита?

– Что он будет есть? Чем он будет заниматься, пока мы в спальне?

Она фыркает, будто этот вопрос не имеет никакого смысла.

– Серёж, он не младенец. Он вон, мультики смотрит, сам себя займёт. Если что, я ему сок дам, или пусть ещё печенье возьмёт.

Я провожу рукой по лицу, разворачиваюсь к Никите. Пижама, экран, пустые фантики вокруг. Ребёнок даже не реагирует на наш разговор.

И меня вдруг накрывает.

Если я ему не нужен, если Марина не считает нужным думать о его ужине, то кто тогда здесь взрослый?

Смотрю на Марину. Она всё ещё улыбается, но я больше не чувствую лёгкости. Я начинаю видеть её по-настоящему.

Срываю с себя пиджак, раздражённо кидаю его на диван, прохожу к мойке в кухню и выхватываю из сетки картошку, бросаю её в раковину с таким грохотом, что Марина вздрагивает.

– Серёж, ты чего? – голос её удивлённый, но в нём слышится что-то ещё — непонимание, растерянность.

– Чищу картошку, не видно? – буркаю я, закатываю рукава рубашки и беру нож.

Я никогда не готовил дома. Ни разу. Мира всегда делала это сама — варила супы, жарила мясо, пекла запеканки, хлопотала на кухне, пока дети спорили за столом, пока Соня тянулась за ложкой, пока Дима жаловался, что хочет добавки. И никто никогда не был голодным.

А теперь я стою в чужой квартире, чистя картошку для чужого ребёнка, которого мне вдруг стало жаль.

Никита сидит в той же позе перед телевизором, не замечает ничего, не ждёт ужина, не спрашивает, почему его мама не готовит. Он просто привык.

Марина хлопает в ладоши, будто пытается разрядить обстановку.

– Ну и чего ты психуешь? – она подходит ближе, обнимает меня со спины, но я только напрягаюсь сильнее.

– А кто его накормит, если не я? – спрашиваю я, не оборачиваясь, продолжая работать ножом.

– Серёж, ну что за цирк? – она смеётся, но этот смех натянутый. – Я бы заказала и ему что-нибудь, в чём проблема?

Я вздыхаю, швыряю очищенную картошку в миску.

– Проблема в том, что ребёнок весь день сидит перед теликом, а ты считаешь, что это нормально.

Марина фыркает, отстраняется, скрещивает руки на груди.

– Ты ведёшь себя, как дед. Какие проблемы? Он ребёнок, ему нравится мультики смотреть. Когда ты стал таким занудой?

Я не отвечаю. Просто ставлю воду на плиту, нарезаю картошку.

Раньше, дома, я никогда не задумывался, сколько сил уходит на ужин, сколько мелочей держит быт на плаву. Просто приходил, садился за стол, а Мира уже ставила передо мной тарелку.

Суп. Пюре. Тушёное мясо. Запеканка. Всё всегда было готово, всегда вкусно, всегда было кому позаботиться.

Но теперь передо мной совсем другая женщина. Которая не заботится ни о себе, ни о сыне, которая не считает нужным тратить время на быт, которая ждёт от меня чего-то, но не даёт ничего взамен.

Высыпаю картошку в кипящую воду, провожу рукой по лицу. И впервые за всё это время я думаю не о Мире, не о детях, не о том, что она мне не позвонила.

Я думаю о том, что, возможно, я сделал ошибку.

Глава 13

На следующее утро еду к дому Миры, убеждая себя, что просто хочу отвезти детей в школу, что им нужен отец. Что я не хочу, чтобы всё между нами дошло до точки невозврата. Но, если быть честным, меня гложет вина. Такая проклятая и липкая, что хочется встряхнуться, сделать глубокий вдох и сказать себе, что я здесь ни при чём. Что всё сложилось так, как сложилось.

Но мысли раз за разом возвращаются к тому, что если я зайду в квартиру, а Маша даже не посмотрит в мою сторону, если Дима стиснет губы, отведёт глаза и скажет, что я им больше не нужен, если Соня почувствует разрушение привычного порядка и в её мире станет ещё меньше стабильности, то... Я психану, не выдержав.

Не хочу, чтобы они отвернулись от меня окончательно, не хочу быть для них человеком, которого проще забыть.

Я паркуюсь возле их дома, выхожу из машины, чувствую, как сердце бьётся быстрее, но едва подхожу к подъезду, как что-то внутри меня сжимается. Замираю, не веря своим глазам, потому что в дальнем углу лестничной площадки, на корточках, с ведром и тряпкой, стоит Мира.

Я не сразу понимаю, что вижу. Но похоже... Она моет подъезд. Моя, мать вашу, жена.

Женщина, которая всю жизнь сидела дома, воспитывая детей и держа дом в порядке. Та, что стирала, готовила, заботилась о быте, но никогда не работала, потому что не было в этом необходимости, ведь я всегда приносил деньги.

А теперь она стоит в резиновых перчатках, с мокрыми руками, с усталым, осунувшимся лицом, и трёт грязный пол. Мимо наверняка каждый день проходят люди, кто-то кивает в знак благодарности, но большинство даже не замечает, что перед ними стоит не просто уборщица, а мать троих детей, моя жена, мать моего сына и дочерей... Мать, которая теперь моет подъезды.

В груди что-то взрывается. Это унижительно.

Неужели на большее она не была способна? Неужели вместо того, чтобы найти нормальную работу, она выбрала... это?

Что вообще Мира делает?! Почему не позвонила мне, не сказала, что деньги кончились, не признала, что не справляется? За каким хреном, вместо того чтобы набрать мой номер, взять те деньги, которые я бы ей дал, она унижает себя вот так?

Понимание накрывает волной, сдавливая горло, и злость вспыхивает внутри. Горячая, яркая, не дающая мне сделать ни шага вперёд. Вот почему она не звонила. Потому что не ждала. Потому что решила, что справится сама.

А я ведь ждал, что она сломается. Признает, что без меня ей не выжить. Проглотит свою гордость и попросит помощи.

Но вместо этого она вот так, с шваброй в руке, вымоченной в вонючей грязной воде, стирает следы чужих ботинок с пола. И мне хочется подойти, схватить её за руку, выдернуть из этого чёртова подъезда... И сказать, что не для этого я её оставил, не для этого она была моей женой, не для этого она рожала мне детей, не для этого она столько лет держала семью на своих плечах, чтобы теперь вот так — чужие равнодушные взгляды, копейки в кармане, унижение, которое Мира, вероятно, даже не считает таковым.

Я злюсь. На неё, на её дурацкое, негибкое упрямство, тупую гордость и молчание. На то, что она решила справляться, хотя не должна была, и что не сказала мне ни слова, не дала шанса быть тем, кто спасает, вместо того чтобы делать вид, что я больше ничего не значу.

Делаю шаг назад, прежде чем Мира поднимает голову, разворачиваюсь, выхожу из подъезда, сжимая кулаки так, что ногти впиваются в ладони.

Она не позвонила, потому что не захотела. Ладно, пусть так.

Но дети — другое дело. Я заберу их после школы. Начну с малого. Я верну их. Не позволю ей стереть меня из их жизни.

Я приезжаю на работу, но мысли застряли там, в этом грязном, пропахшем пылью и сыростью подъезде, где моя жена, мать моих детей, моет полы, оттирает грязь с бетонных ступеней. Ей не стыдно за это. Она не испытала ни страха, ни боли, соглашаясь на подобную работу. А вот я почему-то — да.

Пытаюсь сосредоточиться, включить компьютер, хотя бы сделать вид, что работаю, но в голове только один вопрос — как, черт возьми, до этого дошло? Я всегда думал, что если и уйду, выбрав другую жизнь, если однажды просто выйду за дверь и не вернусь, Мира без меня не справится. Но она не просто справляется — борется.

Я даже не успеваю толком сесть за стол, как телефон начинает вибрировать в кармане. Номер неизвестный, но внутренне уже чувствую, что сейчас услышу что-то, что окончательно выведет меня из себя.

– Алло.

– Здравствуйте, это вам звонят из суда. Мы назначили дату первого заседания по вашему делу о разводе. Вас уведомили?

У меня перед глазами темнеет, шум в офисе становится глухим, будто меня накрыло вакуумом.

– Чего?

– Развод, раздел имущества, алименты. Заседание состоится через две недели.

Я слышу свой собственный хриплый смех и понимаю, что уже на грани.

– Быстро она с этим, значит, разобралась.

Женский голос в трубке безразличен, ровный, как у робота, как будто всё это просто очередное дело в списке, не моя жизнь, брак и дети.

– Все документы были поданы в установленном порядке. Вам придёт повестка. Всего доброго.

Гудки.

Я швыряю телефон на стол, потому что если не отпустить его, то просто размажу об стену.

Развод. Раздел имущества. Алименты.

Значит, пока я ждал, что Мира передумает, она готовилась разорвать всё окончательно. Нашла все таки путь, как меня вычеркнуть.

Она всё решила. Даже не оставила мне выбора.

Кровь гулко стучит в висках, пальцы сжимаются в кулаки. Я хватаю ключи, рывком открываю дверь, выбегаю из офиса, не замечая, как коллеги оборачиваются мне вслед, и сажусь в машину. Завожу двигатель, резко выворачиваю руль и срываюсь с места.

Я еду к Мире. Она не смеет ставить точку, даже не спросив моего мнения на этот счет.

Мира открывает дверь, и по её лицу сразу становится понятно, что она не ждала меня. Не удивилась, напряглась или смягчилась. Нет. Мира просто посмотрела на меня пустыми, усталыми глазами, в которых нет ни страха, ни боли, ни даже злости, — только равнодушие. Будто я уже давно перестал быть частью её жизни и всего лишь человек на пороге. Ненужный, лишний, чужой.

– Ты не предупреждал о своем приходе, – её голос ровный, без эмоций, ни капли заинтересованности. В нем нет ни намёка на желание продолжать этот разговор.

Но мне плевать на ее хотелки. Я не просто так здесь. Все, хватит, доигралась в независимость.

– Ты серьёзно?! – рычу я, отталкиваю дверь, захожу внутрь, не спрашивая разрешения. Потому что какое, мать вашу, разрешение, если это мой дом? Здесь живут мои дети, и я имею такое же право здесь быть, как и она.

Мира отступает, но не уступает. Остаётся стоять прямо, не отводя взгляда. Она не показывает страха, не дрожит, и от этого я злюсь ещё сильнее.

– Да. Тебя никто не приглашал.

– Ты подала на развод, на раздел имущества и алименты, а я, значит, должен просто сидеть и ждать повестки?!

Она просто глубоко выдыхает. Не бросается в ответ, не кричит, а просто молча переводит взгляд на кухню, где слышен приглушённый голос Сони. И мне становится только хуже, потому что она ведёт себя так, будто я не заслуживаю объяснений. Словно этот разговор не имеет смысла, потому что она уже давно всё решила и просто ждёт, когда я уйду.

– Потихе.

– Почему? Пусть слышит! – я швыряю куртку на стул, смотрю ей прямо в лицо, ощущая, как внутри поднимается ярость, обида, злость, отчаяние, — всё сразу. Сейчас мне отчаянно хочется разозлить Миру, вытащить из неё эмоции, заставить показать, что ей не всё равно. Что она не такая бесчувственная, как делает вид. – Пусть все знают, что ты решила лишиться меня всего, что только можно!

Она закрывает глаза, проводит рукой по лицу, потом смотрит на меня долгим, пронзительным взглядом. Губы сжаты в тонкую линию, но я вижу в ней усталость. Не холод или равнодушие, а просто усталость, как будто этот разговор для неё не битва, а бремя, которое она не хочет нести.

– Ну ты же не думал, что после всего я буду ждать милости? Ты легко ушёл. Просто. Без угрызений совести. Оставил нас, а теперь, когда я пытаюсь жить дальше, приходишь сюда и устраиваешь сцены?

– Ты не имеешь права!

– Не имею? – она хмурится, сжимая руки в кулаки. Делает шаг вперёд, и теперь между нами почти нет расстояния. Я чувствую её дыхание, напряжённость, холодный гнев, который она больше не может сдерживать. – А ты имел право оставлять нас без копейки и уверенности в завтрашнем дне, без...

Мира резко замолкает, потому что я делаю шаг к ней. Сжимаю её плечи, чувствую, как под пальцами напрягаются её мышцы, и в эту секунду я хочу, чтобы она перестала быть такой чёртовой непоколебимой, стойкой и сильной. Мне хочется, чтобы она хоть на секунду сломалась, чтобы признала, что ей было тяжело, чтобы она сказала, что без меня ей плохо.

Но вместо этого Мира высвобождается, резко отталкивает мои руки, смотря на меня глазами, полными презрения.

– Я никогда не оставлял вас без денег.

– Нет? А то, что у меня на счету было ноль, когда ты поскакал к своей Марине и ее сыночку, это как называется?!

Эти слова врезаются в меня, как удар кулака в грудь. Я не могу вынести этой картины в голове. Представить её с шваброй, с мокрыми руками, с чужими равнодушными взглядами. Не могу принять того, что Мира довела себя до этого, вместо того чтобы просто позвонить мне. Сказать, что одна не справляется.

– Ты сама этого хотела! Ты могла просто попросить!

– Я не должна просить.

Она вырывается, отходит назад, но теперь в её глазах не только гнев, но и боль, настоящая, живая. От этого мне становится не по себе. Я впервые за всё это время понимаю, что Мира и правда больше не видит во мне человека, которого можно просить о чём-то, которому можно довериться.

– И умолять тебя тоже не должна. Ты ушёл, Серёж, — вот и живи теперь своей новой жизнью. И хватит орать, Соню напугаешь.

Я провожу руками по лицу, чувствую, как бешенство кипит под кожей. Как же хочется разнести что-то к чертям или хочется ударить кулаком в стену. Просто чтобы почувствовать что-то кроме этой всепоглощающей злости, немощи и сжимающегося внутри комка.

– Ты такая же упрямая, как и всегда. Я думал, ты хотя бы о детях подумала.

– Я как раз о них и думаю, в отличие от тебя.

Мира смотрит на меня, её глаза сверкают, но не от слезам. В них гнев, тот самый — холодный и усталым. Такой не вспыхивает внезапно, а копится годами, с каждым разочарованием. Она больше не верит мне.

– Ты вообще осознаёшь, что ты сделал? Ушёл, но оставил мне всю эту чёртову гору проблем, троих детей. На мне теперь все! Помимо того, что Соню нужно водить на занятия, мне как-то нужно было справляться с переживаниями Маши из-за твоего ухода и отвечать на Димины вопросы. И это меньшее из проблем. Ты же просто вышел за дверь и исчез. А теперь возвращаешься с претензиями, будто это я виновата в том, что всё пошло не так?

– Я не исчезал! – мой голос срыгается, злость сжимает горло.

Я не хотел исчезать и хотел быть тем, кого будут вычёркивать из жизни. Не хотел становиться чужим. Но Мира ведёт себя так, будто я уже никто, будто меня здесь не было никогда.

– А где ты был? – она усмехается, но в этом смехе больше боли, чем раздражения. Мира смотрит на меня, как смотрела бы на незнакомца, которого когда-то знала, но который теперь вызывает у неё только глухое раздражение. – Где ты был, когда Соня плакала по ночам? Когда у Маши случилась истерика, потому что она увидела тебя в парке с той женщиной? Когда Дима спрашивал, почему папа больше не приходит? Ты знаешь, что я ему ответила? "Папа занят." Я врала им. Покрывала тебя, пока ты "не исчезал".

Хочу что-то сказать, оправдаться, взорваться, объяснить все, но вместо этого просто молчу, потому что всё, что Мира говорит, — правда. И я знаю это, знаю слишком хорошо.

Мира выдыхает, проводит рукой по лицу, как будто устала от этой бесконечной битвы, которую мы оба не можем выиграть. Среди нас нет победителей, есть только руины того, что когда-то было семьёй.

– Я не хочу больше этой войны, Серёжа. Мне и без тебя тяжело.

Она отворачивается, и это почему-то бьёт сильнее, чем её слова, крики и всё, что она могла бы сказать, потому что Мира сдаётся... Но не так, как я ожидал — не признавая свою слабость, а просто отказываясь продолжать это бессмысленное сражение.

Я больше не часть ее жизни.

Где-то в глубине мне хочется крикнуть, сказать, что она не права, что я не бросал их, что всё не так просто... Но вместо этого я разворачиваюсь, хватаю куртку, чувствуя, как по спине ползёт холодная волна осознания. Я действительно не могу оставаться здесь больше.

– Я заберу детей после школы.

Мира не отвечает. Я не жду, пока она что-то скажет. Просто выхожу, захлопываю за собой дверь.

Честно, я не помню, как добрался до стоянки у школы. Время, проведенное в переживаниях и раздумьях, проходит так, будто и не было его.

Сжимаю руль, глядя на двери школы, сердце глухо стучит в груди, гнев ещё не улегся после разговора с Мирой, но его накрывает что-то другое, не менее неприятное — тревога. Я не знаю, как они отреагируют, не знаю, захотят ли сесть в машину. Но знаю одно — они мои дети, и я имею право быть с ними. Несмотря ни на что.

Маша выходит первой, плечи напряжены, волосы слегка растрёпаны, рюкзак висит на одном плече. Даже с такого расстояния я вижу, как её лицо тут же мрачнеет, когда она замечает меня. Маша останавливается, что-то быстро говорит Диме, тот тоже поднимает голову, замечает меня, хмурится, губы плотно сжаты, но я вижу, как его пальцы сжимаются в кулаки.

Дело плохо.

Я выхожу из машины, распахиваю двери, ощущая, как внутри меня что-то сжимается, когда они остаются стоять на месте, не делая ни шага ко мне.

– Что ты здесь делаешь? – первая говорит Маша, голос её напряжённый, она стоит так, словно готова развернуться и уйти обратно в школу, лишь бы не подходить ближе.

– Я приехал за вами.

– Зачем?

Я глубоко вдыхаю, заставляю себя сдержаться, не показать, что меня это задевает, хотя задевает, ещё как. Пытаюсь говорить спокойно, без раздражения и накопившейся злости. Я знаю, что если буду давить, они просто развернутся и уйдут.

– Потому что мы семья, и мне нужно проводить с вами больше времени.

Дима хмурится сильнее, машинально поджимает губы, а Маша качает головой, скрещивает руки на груди и смотрит на меня так, как никогда раньше. С холодом, отчуждением и каким-то вызовом, которого я не ожидал увидеть в её глазах.

– Реально? – дочь усмехается, но этот смех пустой, без тени радости или намёка на доверие. – А чего это ты вспомнил об этом только, блин, сейчас?

Сжимаю челюсти, понимаю, что ей хочется меня уколоть, сделать больно. Но я не собираюсь отступать, сдаваться, поэтому делаю шаг вперёд, забираю рюкзак у Димы из рук, кладу его на переднее сиденье, показывая, что выбора у них нет.

– Садитесь. Мы едем.

– Нет.

– Да.

Мы меряемся взглядами. Чувствую, как между нами натягивается невидимая струна. Но я не уступаю, потому что если сделаю это сейчас, то они никогда больше не сядут ко мне в машину.

– Я не буду тебя заставлять, но ты знаешь, что мама не станет запрещать вам видеться со мной. Можешь злиться, игнорировать меня, можешь даже не разговаривать. Но ты сядешь в машину, потому что я твой отец.

Маша поджимает губы, потом резко разворачивается, садится на заднее сиденье и хлопает дверью так, что стёкла дребезжат.

Я перевожу взгляд на Диму, он колеблется, но тоже садится, а когда я закрываю за ним дверь, чувствую облегчение, смешанное с горечью.

Сажусь за руль, поворачиваюсь к ним и спокойно, чётко, без лишних эмоций говорю:

– Теперь я буду с вами гораздо чаще, чем раньше.

Маша отводит взгляд в окно, Дима закусывает губу, но никто из них не говорит "не надо", и я понимаю, что это уже маленькая победа.

Глава 14

На протяжении следующей недели я каждый день забираю детей из школы. Паркуюсь неподалёку, жду, как ни в чём не бывало, и когда они выходят, открываю перед ними двери машины, не спрашиваю, поедут они со мной или нет, просто ставлю перед фактом.

Маша всё ещё смотрит на меня холодно, колко, с вызовом. Каждый раз она садится на заднее сиденье с таким видом, будто делает мне одолжение. И закатывает глаза, когда я спрашиваю, как прошёл её день. Но это не повод сдаваться.

Дима медленно, но меняет свое отношение ко мне. Сначала он тоже держится настороженно, говорит коротко, сжимается. Но уже на третий день я вижу, как сын перестаёт быть таким напряжённым, как иногда смотрит на меня без злобы, как в уголках его губ мелькает улыбка, когда я смеюсь над чем-то, что ему самому кажется забавным.

Я трачу деньги на них. Делаю то, что, по мнению Миры, не совершал раньше. Мы ходим по торговым центрам, я покупаю им всё, что они хотят. Вожу их в кино, в парки развлечений, в кафе, где они могут заказать самые дорогие десерты и коктейли. Я покупаю Диме новые кроссовки, хотя старые ещё целые, потому что заметил, с каким восторгом посмотрел на них. Беру Маше наушники, которые она давно хотела, даже не дождавшись просьбы, просто ставлю перед ней коробку и, конечно же, не слышу "спасибо", только фыркание и "Ну, хоть на этот раз не сэкономил".

Но я вижу, как она пользуется ими в машине.

Временами перед глазами всплывает Соня. Это не просто воспоминание, а целый мир, который я стараюсь держать на расстоянии, но который всё равно находит меня, проникает в мысли.

Её большие, внимательные глаза, которые всегда смотрят куда-то в душу, будто видят то, что недоступно остальным. В них столько глубины, столько невысказанного, что иногда мне кажется, будто она знает обо мне больше, чем я сам. Но это лишь иллюзия. Соня живёт в своём мире, и этот мир – загадка, которую я так и не смог разгадать.

Её руки, сжимающие что-то маленькое и важное для неё – может, игрушку, может, камешек, который она нашла на прогулке и теперь носит с собой, как сокровище. Для неё это не просто предметы, а части её вселенной, где всё имеет своё место, свой смысл, свой порядок. Её мир завязан на привычках, ритуалах, на матери.

Мира – её якорь, её опора, её проводник в этом хаотичном, шумном мире, который так часто пугает Соню. А я? Я остаюсь на обочине, наблюдая со стороны, не зная, как войти в этот мир, как стать его частью.

Я не беру её с собой. Не зову её. Я её избегаю.

Эти мысли, как шипы, впиваются в сознание, вызывая чувство вины, которое я стараюсь заглушить, но оно всегда возвращается. Соня остаётся со своей матерью, потому что я не знаю, что с ней делать. Я не знаю, как быть с ней, как понять её, как помочь. Она сложная. Она другая.

Её реакции, эмоции, поведение — всё это выходит за рамки моего понимания. Она может кричать, если что-то идёт не по её сценарию, может испугаться, если вокруг слишком много людей, может потеряться в толпе, если что-то выбьет её из привычного порядка. И я, её отец, чувствую себя беспомощным, словно стою перед закрытой дверью.

Мира знает, как с ней справляться. Она годами выстраивала её мир, изучала её приступы, её триггеры, знала, как успокоить, как предотвратить истерику, как оградить её от шума, суеты, хаоса.

Я нет. Оставался рядом, но всегда говорил себе, что этим занимается Мира. Она — её мать, она знает лучше. Я же был занят работой, своими делами, своими отговорками. Думал,

что моя роль — обеспечивать, защищать, быть где-то на втором плане. Но сейчас, когда я думаю о Соне, мне становится стыдно.

Стыдно за то, что я избегаю её и стесняюсь на людях. Стыдно за то, что мне проще оставить её с Мирой, чем попытаться понять, как с ней быть. За то, что я, её отец, не могу найти в себе сил, терпения, чтобы найти с ней общий язык.

Возможно поэтому я стараюсь проводить максимуму с Димой и Машей все вечера, возвращая их домой только к ночи, когда они уже сыты, уставшие, с пакетами покупок. Мира встречает нас с напряжённым лицом, но молчит, только смотрит на меня так, будто я делаю что-то не то. Снова.

Но я ничего не говорю, просто поднимаю брови, будто спрашивая: "Что теперь скажешь? Я не забочусь о детях? Я не трачу на них деньги? Я плохой отец?"

Отношения с Мариной накаляются всё сильнее, будто кто-то подкручивает регулятор напряжения на максимум, и вот-вот всё должно рвануть. Сейчас она просто молчит, когда я возвращаюсь поздно. Сидит, смотрит на меня с таким выражением лица, будто я только что разбил её любимую вазу, и вздыхает так, словно пытается выдохнуть всю свою обиду и разочарование. Но она не говорит ни слова, будто ждёт, что я сам догадаюсь, в чём проблема. А я догадываюсь, но мне плевать. Ну, или почти плевать.

Потом начинаются эти её осторожные намёки, которые Марина бросает, как гранаты с задержкой. "Ты поздно, опять с детьми?", "Мы тебя совсем не видим", "Никитка спрашивал, когда ты с ним поиграешь".

Она говорит это с таким видом, будто я должен сразу упасть на колени и просить прощения. Но я не реагирую. Знаю, к чему это ведёт, и не хочу в это ввязываться. Просто отмахиваюсь, как от назойливой мухи, и иду дальше.

Но Марина — не из тех, кто долго терпит. Она как бомба с часовым механизмом, и сегодня её терпение лопается. Только я захожу в квартиру, ставлю ключи на тумбочку, снимаю куртку, как она набрасывается на меня.

— Ты каждый вечер с ними! — её голос звучит, как удар хлыста. — Каждый чёртов вечер ты проводишь с ними, а не с нами. Ты вообще замечаешь, что здесь тебя ждут?!

Я устал. Настолько, что даже не хочу ничего отвечать. Но Марина не отступает. Стоит передо мной, упирая руки в бёдра, смотрит на меня с таким выражением, будто я только что предал её и всю её семью. Её глаза горят, в них читается раздражение, обида и какое-то упрямство, с которым она не собирается сдаваться.

— Ты же знала, что у меня есть дети, — бурчу я, пытаюсь сдержать раздражение.

— Да, но я не знала, что ты теперь каждый день будешь делать из себя идеального папу! — её голос звенит, как натянутая струна, готовая порваться.

Я закатываю глаза, прохожу в кухню, достаю из холодильника бутылку воды и отпиваю прямо из горлышка. Вода холодная, но она не может остудить тот жар, который разгорается у меня внутри. Марина идёт за мной по пятам, как тень, не давая мне ни секунды передышки.

— Сережа, ты что, не видишь, что я тоже хочу проводить с тобой время? Что Никитка тебя ждёт, а ты приходишь, когда он уже спит? Он никуда не ходит, потому что думает, что ты скоро придёшь, а ты — с Машей и Димой. Почему ты не можешь хотя бы раз взять нас с собой?! — она говорит резко, зло, но в её голосе чувствуется тонкая, но явная нота манипуляции.

Марина знает, куда бить, чтобы больнее. И она пользуется этим.

Я терплю, пока могу. Но когда она говорит про Никитку, что-то внутри меня переворачивается. Этот пацан, с его огромными глазами, полными ожидания и восхищения, — он действительно ждёт меня. И я знаю, что делаю ему больно. Но я не хочу смешивать свою старую и новую семьи. Не хочу, чтобы Маша и Дима думали, что я пытаюсь заменить их кем-то другим. Это мой выбор, и я не собираюсь от него отказываться.

Но Марина не отступает. Она стоит передо мной, скрестив руки на груди, и её взгляд такой, будто уже знает, что победит.

– Ты же нас не стесняешься, да? Или стесняешься? Тебе проще делать вид, что у тебя есть только те дети, а нас как будто нет?!

Я сжимаю челюсти так, что зубы скрипят. Ненавижу, когда на меня давят и загоняют в угол.

– Ты хочешь, чтобы мы все вместе куда-то поехали? – вырывается у меня, хотя я уже знаю ответ.

– Да! Я хочу провести семейный день, чтобы Никита почувствовал, что он не на втором плане! Что у него есть братик и сестрёнка. Да и я не чувствовала себя... как запасной вариант!

Марина скрещивает руки, глядя мне прямо в лицо, и я понимаю, что у меня нет выбора. Если я откажусь, она не отстанет. Если соглашусь — всё равно будет недовольна. Но я устал спорить. Устал от её давления, от её манипуляций, от всего этого дерьма.

– Хорошо. В следующий раз поедem все вместе, – говорю я, чувствуя, как внутри всё сжимается в комок.

Марина смягчается. Улыбается, как победитель, подходит ближе, кладет ладони мне на грудь. Но я не чувствую облегчения. Внутри меня всё сжимается, будто я только что подписал себе приговор.

Знаю, что это ошибка. Но пусть будет так.

Глава 15

Сажу в машине, барабаню пальцами по рулю, глядя на двери школы, и чувствую, как внутри меня нарастает тяжесть, неприятный ком в груди, который я не могу проглотить. Сердце стучит как-то глухо, будто предупреждая: «Сейчас всё пойдёт наперекосяк».

Я предупредил детей еще с вечера, сказал, что едем в аквапарк, что проведем день вместе, и тогда они не возражали. Но я не сказал главного. Не сказал, что мы едем не одни.

Я хотел сказать. Правда. Но каждый раз, когда открывал рот, смотрел на них, понимал, что не готов выслушивать их реакцию. Снова видеть этот ледяной взгляд Маши, поджатые в молчаливом укор губы. Не готов слышать язвительные слова Димы, его сарказм, который он унаследовал от матери.

Чувствовать их отторжение и разочарование. Нет. Не сейчас. Лучше пусть узнают на месте. Увидят с

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.